

Екатерина Казакова

Мужчина ее мечты

Annotation

Вот я и открываю вам тайну, кто же он, тот таинственный мужчина ее мечты. Для тех кто не в теме — если не читали книг про Дарью, вы ничего не поймете.

Содержание

Екатерина Казакова

Мужчина ее мечты

*Каменная леди, ледяная сказка,
Вместо сердца — камень, вместо чувства маска,
И что? Больно всё-равно.
Одинокой кошкой, вольным диким зверем,
Никогда не плачет, никому не верит,
И что? Больно всё-равно.
Одиночество-сволочь, одиночество-скука
Я не чувствую сердце, я не чувствую руку
Я сама так решила, тишина мне подруга
Лучше б я согрешила, одиночество-мука.
Ты в объятьях страсти, укрощая львицу,
Знай, что она хочет, хочет покориться
Тебе, проиграть в игре.
Рвётся она в клетку чувства и желаний
Надоело мёрзнуть в царстве ожиданий одной,
Стань её судьбой.
Одиночество-сволочь, одиночество-скука
Я не чувствую сердце, я не чувствую руку
Я сама так решила, тишина мне подруга
Лучше б я согрешила, одиночество-мука
Одиночество-сука...
Я сама дверь закрыла,
Я собою довольна,
Отчего так плохо?
Отчего же так больно?
Одиночество-сволочь, одиночество-скука
Я не чувствую сердце, я не чувствую руку
Я сама так решила, тишина мне подруга
Лучше б я согрешила, одиночество-мука*

Воин-орк, небрежно развалившись на пушистой шкуре, задумчиво смотрел на горящий костёр. Яростно гудящее пламя, пожирая сухостой, выстреливало в небо искрами огня. Разлитую в воздухе вечернюю тишину нарушал шорох и писк невидимых жителей Великой Сестры, вышедших на охоту после заката. За спиной, хрустя пожухлой травой, прокрался шакал, до дрожи во всем своём покрытом струпьями теле желающий сунуть нос в лежащие неподалёку перемётные сумки. Нахальство падальщика вспугнуло птицу, с мерзким клёкотом вспорхнувшую у него из-под лап. Но ни один мускул не дрогнул на теле мужчины. Лишь мимолётное выражение досады исказило мужественное лицо, слегка тронутое дыханьем надвигающейся старости.

Через мгновение набежавшие морщины разгладились, и орк снова превратился в безмолвную статую, застывшую под светом безразличных ко всему трёх лун...

Когда сердце отважного воина отчаянно кричало: «Я больше не могу выносить эту пытку», а по одетой много лет назад маски невозмутимости тонкими лучиками начинали бежать трещинки, грозящие в скором времени показать всему миру его израненную душу, он приезжал сюда. В самое средоточие степи, на заброшенное капище Ушедших Богов. В единственное место на земле, где он мог побыть наедине со своей болью, не боясь, что кто-то увидит, как гордый сын своего народа воет раненым зверем.

Вот и сегодня, почувствовав, как в нем заворочалась глухая тоска-отрава, он, оседлав верного гшэрда, отправился в свое тайное прибежище. Братья по роду давно привыкли к его внезапным отлучкам и, воровато отводя глаза, сделали вид, будто не обращают никакого внимания, что он опять уходит в только ему одному ведомый поход. Они знали, пройдет пара дней, и их Предводитель, в чьих глазах сейчас плещется пустота, приедет назад, и все вернется на круги своя. Он будет разбирать споры, учить молодежь биться на мечах, внимательно выслушивать старейшин, смеяться над грубоватыми шутками ветеранов и пировать после очередной удачной охоты. Их вождь будет самым собой... до следующего раза, покуда неведомая сила не погонит его в степь. Сегодня такой день, когда ему нужно побыть одному, и они притворятся, что так и должно быть, и не посмеют спросить ни о чем. И только старый шаман, помнящий сурового воина еще мальчишкой, тяжело вздохнет и едва слышно прошепчет:

— Мальчик мой, если бы я мог тебе помочь... но никто мире не может повернуть время вспять, никто... кроме Богов, но они давно глухи к нашим мольбам...

За много лет действия мужчины были выверены до каждого жеста. Приехав на место, он расседлал скакуна, обустроил ночлег, развел огонь, достал из заплечного мешка припасенную бутылку крепкого вина, бережно завернутую в узорчатый платок, шкатулку, хранящую в себе его самую большую ценность — странные рисунки, изображающие молодую женщину. Ее друг сказал, что они называются «фотографии», и орк отдал за них четверть земель, принадлежащих родному клану. Но если бы ему сказали «Отдай за них половину своей жизни», он, ни на минуту не задумываясь, отдал бы. Он отдал бы и всю жизнь целиком ради этой Женщины, вот только ей ничего от него не было нужно.

Бережно глядя пожелтевшие карточки, он часто грезил, что Она, как бабочка, выпорхнет с плотного листа блестящей бумаги, подойдет к нему и, потрянув своей растрепанной челкой, скажет слегка хрипловатым голосом:

— Я вернулась...

И он обнимет знакомое до каждой родинки тело, и пообещает, что больше никогда не позволит уйти от него. А потом он будет любить ее посреди степи за все те годы, что прошли без неё. Без Женщины, много лет назад встретившейся ему в переулке и одним только взглядом укравшей его душу.

Но реальность ворвется в его мечты, и кто-то невидимый скажет: «Глупец, это никогда не случится», и он очнется, и половину ночи будет вспоминать ее улыбку, насмешливые глаза, волосы, в которых, казалось, запуталась радуга, и удивительно сильные руки, со страстью сжимающие его плечи. А ближе к рассвету придет осознание — встречи не будет никогда, Она живёт в другом мире, и никакие духи не в силах ему помочь снова ступить на ее дорогу. И от этого станет так муторно, что никакое вино не поможет избавиться от горечи во рту и стоящего в горле комка...

Иногда он говорил с ней, рассказывая, как медленно умирает от холода в сердце, прося прощения и умоляя дать ему шанс исправить свои ошибки. И когда ему начинало казаться, что Она отвечает, предательская память показывала ему картину из далёкого прошлого...

Сегодня он сошёлся в смертельном поединке со своим старшим братом. И он бы убил его, и стал бы изгоем рода, если б не парнишка, появившийся перед ними из ниоткуда в тот момент, когда его рука была готова проткнуть противника. Нескладный подросток, едва вступающий во взрослую жизнь, вытирая мокрое от слез лицо, сказал всего лишь одну фразу «Она ушла». В тот миг вся жизнь перевернулась, а робкая надежда, что она все же вернётся к нему, умерла.

С того дня его уделом стало ледяное одиночество. И винить ему некого, только себя. Это он сам, собственными руками, разрушил счастье, потеряв ту единственную, с кем он хотел бы пройти дорогу жизни...

Он ушёл от неё утром, спеша поделиться со своим народом вестью о приходе столь ожидаемой ими Избранной. Призрачный блеск оружия застил глаза, и он не заметил, как под ехидными словами она прятала обиду и растерянность. Так он отказался от неё в первый раз.

Если бы он потом вернулся и объяснил, что танец со смертью — это сущность его народа, она бы его поняла и простила, ведь она сама была неукротимым духом бойцом. Но, боясь посмотреть ей в глаза и увидеть презрение, он первый и последний раз в жизни струсил. Обманывая самого себя, он поверил, что с братом по крови ей будет лучше, а ему будет достаточно малости — изредка видеть ее и знать, что она счастлива. Так он отказался от нее во второй раз.

Третий раз случился, когда он уступил старейшинам и дал согласие на женитьбу с дочерью вождя одного из вечно бунтующих кланов. После свадьбы, оставив молодую жену в шатре одну, орк пришёл на берег реки смыть с себя чужой запах. И пока он с остервенением тёр тело, подленькие мыслишки шептали ему:

— Она же никогда ничего не узнает, она отвергла твоего брата, а ты отошлешь жену, найдёшь колдуна, и он поможет тебе найти к ней дорогу.

Но воин вдруг понял, что она не из тех, кто будет строить свое счастье на чужой беде, и никто не в силах помочь вернуть ее. И до утра он взывал к духам предков и просил их только об одном — пусть жена понесёт после первой ночи. И духи услышали его и послали первенца сына. После рождения наследника он отослал жену в родной клан и никогда не вспоминал о том, что в его жизни когда-то была мать единственного сына.

И потянулись годы пустоты. В них были сражения, но горячка боя не дарила былого упоения. Были бешеные скачки по степи, но он больше не чувствовал биение сердца Великой Сестры, разбуженной копытами верного друга. Подростал сын, но воин так и не смирился, что был рождён он другой.

И были женщины... Гордые орчанки и утонченные эльфийки, суровые девы из северных земель и изнеженные дочери юга, аристократки и простолюдинки, но ни одна из них не смогла сравниться с той, что мелькнула в его жизни, как падающая с неба звезда...

Много раз орк спрашивал себя, чем она смогла взять в плен его сердце? И не находил ответа. Не красавица, он видел намного красивее. Неуступчивая и язвительная, а женщина должна знать свое место и не перечить мужчине. Жёсткая, не умеющая прощать и не знающая смирения. Не стыдящаяся показать мужчине свою страсть и все же такая ранимая...

— Она просто не похожа ни на кого, — завывал ветер.

— В ней горит огонь, — трещали горящие поленья.

— В ее глазах отражается жизнь, — шептала ночь.

— Ты не смог разглядеть в ней Судьбу, — шелестела выжженной солнцем травой степь.

Отбросив пустую бутылку, он поднял глаза к небу и яростно крикнул:

— Да что же в тебе такого, что я столько лет не могу тебя забыть?!

— Не пытайся понять то, чему нет объяснения, — из мрака ночи на свет вышла фигура, закутанная в белоснежный плащ.

При ее появлении воин перекатился по шкуре, схватил меч и приготовился отразить нападение. Но неожиданный гость, показав пустые руки, опустил его напротив. А когда он снял капюшон, и пламя костра осветило его лицо, по спине орка зазмеился холодный пот. Таинственный путник оказался мужчиной с нечеловечески прекрасным лицом и бездонными глазами, смотрящими прямо в душу. Казалось, будто он заполнил собой все пространство, и от него исходит всепокрушающая сила, заставляющая упасть на колени и склонить голову.

Орк вдруг увидел, как рождался его мир... как строились, а потом заносились песками города... как сменялись поколения людей... как на месте огромного леса возникла Великая Сестра... Духи... какая же первородная сила вышла из темноты к его костру? Один из Ушедших Богов? Демон? Вестник Старухи?

Воин насторожено замер, и все его тело стало напоминать сжатую пружину, готовую в любой момент распрямиться и нанести удар. Пусть этот удар будет последним, но умирать без боя, как покорная овца, не станет ни один сын вольного народа. И гордо взглянув в лицо незнакомцу, он твёрдо спросил:

— Ты пришёл за мной?

Прошла целая вечность, прежде чем вождь сыновей степи услышал усталое:

— Я не посланник смерти, орк, а такой же, как и ты, путник, бредущий по жизни, как нищий слепец. Только тебе повезло больше, чем мне, ты потерял ту Женщину, что не даёт нам покоя, а моей она никогда не была.

Закончив говорить, незнакомец замер, а через один удар бешено колотящегося сердца воин услышал вопрос, который терзал чужака с тех самых пор, как застывшая много веков назад душа освободилась от сковавшего ее льда равнодушия:

— Ответь мне, как ты, простой смертный, столько лет можешь жить с такой раной в сердце? Что даёт тебе силы жить, зная, что Она никогда не будет с тобой? Как ты выносишь эту боль, что выгрызает твою душу каждое мгновение? Что даёт тебе силы жить, ответь мне, брат степи. Потому что я, Творец Миров, не могу больше выносить эту каждодневную пытку.

Закончив говорить, он горящим взглядом впился в лицо орка. Повисла звенящая тишина. Казалось, будто вся Вселенная замерла, ожидая ответа... Мгновения закручивались в тугую спираль ожидания вокруг застывших мужчин. Брату степи казалось, что в его голове стучит, как набат:

— Расскажи ему, он имеет право знать, он поймёт тебя, как никто другой... облегчи свою ношу...

Но орк упрямо молчал, не желая открывать сокровенное. Молчали полуразрушенные идолы... Молчала истерзанная земля, потрескавшаяся от обжигающего солнца. Пасущийся неподалёку гшэрд перестал всхрапывать и насторожено замер, раздувая чуткие ноздри. Казалось, будто замолчал целый мир... И только Великая Сестра одобряющее прошептала:

— Ты правильно делаешь, брат, никогда не открывай незнакомцам душу... даже тем, кто одной силой мысли может создать или разрушить целый мир.

Слова степи были услышаны неожиданным гостем, и он, признавая свое поражение, склонил голову и тихо обронил:

— Ты правильно делаешь, вождь, что молчишь. Душа подобна горному озеру, она манит к себе, и слишком многим к ней хочется прикоснуться. Кто-то, мучимый жаждой, решит напиться и невольно замутит воду, внося, как песчинки, сомнения. Кто-то прополоскает запылённую одежду и поднимет воспоминания, похороненные в самой глубине и лежащие на дне, словно ил. И очень немногие просто постоят на берегу, любуясь кристальной чистотой...

Чужак замолчал, а опытный воин, с лёгкостью читающий степь, как открытую книгу, заметил, как глаза пришлого, ещё несколько минут назад горящие неистовым светом, заволокло пеленой тоски, и они стали зеркальным отражением его собственных глаз. И орк вдруг понял, что мужчина, кем бы он ни был, страдает не меньше его. Что это гордое воплощение силы готово просить помощи у простого орка. Орка, пытающегося жить, будучи обречённым на медленную смерть от одиночества.

Глядя, как незнакомец нервно сжимает кулаки, воин, давно забывший, что такое милосердие, отложил меч, подошёл к неожиданному гостю и, положив руку на его плечо, позволил бушующему в нем вихрю отчаянья вырваться наружу:

— Когда в твоей груди поселяется боль, то поначалу ты боишься дышать. Тебе кажется, поток воздуха убьёт тебя, и ты сдерживаешь дыхание. Но жажда жизни оказывается сильнее... И ты осторожно делаешь вдох... Тебе не становится легче, боль все так же терзает, но однажды ты просыпаешься и понимаешь, что привык к этой боли. Она врастает в тебя, как дерево, растущее на склоне горы, врастает в землю, чудом занесённую туда ветрами. Ты научишься жить с этой болью, как когда-то научился ходить. И придёт день, и ты поймёшь, боль стала частью тебя... Иногда она будет для тебя занозой, навечно поселившейся в сердце... а иногда она будет превращаться в дикую кошку. И когда ты уверишься, что зверь мирно дремлет у тебя на груди, он вдруг выпустит когти и полоснёт ими, как кинжалами, по зарубцевавшейся ране. Ты будешь биться в агонии, умоляя послать тебе смерть, но забвение так и не придёт... А ты снова начнёшь привыкать к своей вечной пытке, день за днём, зная, что завтра твоя боль не утихнет.

Орк говорил все тише и тише, признавая свое поражение. Казалось, что воин смирился, сдался судьбе... Но вдруг он резко вскинул голову, яростно сверкнул глазами, и его голос зазвенел, как тетива, натянутая на оголённых нервах:

— Чаще всего боль терзает тебя по ночам, когда ты молишься богам, чтобы они избавили тебя от этой муки, но они, как в насмешку, заставляют память переживать минуты, когда Она была рядом. И ты подобно скупцу, пересчитывающему монеты, будешь перебирать воспоминания... Ты спрашиваешь, что даёт мне силы жить? Я отвечу. Это надежда, маленькая искра глупой надежды на то, что я вновь увижу Ее. Пока есть надежда, я готов терпеть эту муку и жить ради призрачной встречи.

Последние слова он прокричал, и его голос разнёсся по всей степи, а где-то вдалеке эхом отозвались разбуженные Духи:

— Ради Неё ты будешь терпеть... ради нее...

И бездушная ночь содрогнулась от силы его любви к Женщине и, как одинокую слезинку, уронила звезду, прочертившую след на чёрном покрывале небес.

— Он достоин ее, — прошелестела Великая Сестра, но в этот раз ее никто не услышал.

* * *

Ер-рейг-Глос... Колыбель Демиургов, мир навечно застывшего совершенства и стерильной красоты. Мир, в котором землетрясения не смещают полюса, а безжалостные цунами не погребают под смертоносными волнами целые континенты. Здесь нет палящего солнца, превращающего цветущие долины в безжизненные пустыни; покрытых многометровыми льдами студёных морей; непроходимых джунглей, кишаших хищными тварями. Тут нет ничего, что может причинить даже невольный вред хозяевам вечно цветущего эдемского сада.

Даже самый придиричивый взгляд не сможет найти хоть частичку хаоса, способную исказить геометрически выверенную идеальность окружающего пространства. Ни одной незавершённой линии, ни одной фальшивой ноты, нарушающей гармонию неслышно звучащих повсюду мелодий, ни одного лишнего штриха, выбивающегося из общей картины великолепия.

В этом мире не бывает эпидемий, войн, катастроф, а его жители не знают старости, болезней и страха. Да и чего могут бояться те, кто способен зажечь искру жизни в холодном ничто и развеять мириады звёзд мановением руки? Казалось, обитатели этого мира должны быть самыми счастливыми существами, но почему-то любовь и радость обходят стороной этот воплощённый рай. Может, потому, что здесь давно царствует скука, затягивающая липкой паутиной равнодушия осколки последних светлых чувств?

Аркандиэл Дикха Магливир, Обладатель Трёх Даров, один из сильнейших демиургов, Глава Попечительского совета Академии творцов вот уже три доли оборота дневного светила с бесстрастным лицом слушал доклад новой ученицы, присланной к нему из гимназии. Задумчиво прикрыв веки, мужчина даже не пытался вслушаться, что говорит очередная пустоголовая девица из лишённых Силы. На его памяти их было столько, юных, красивых и дерзких, но не способных создать ничего, кроме проблем, и оттого отчаянно желающих найти себе если не мужа, то хотя бы покровителя из числа Истинных, что он давно сбился со счета. Да и разве есть смысл запоминать одну из многих «пустышек», пытающихся попасть в его постель?

Как себя помнил, Арк всегда пользовался успехом у противоположного пола и вызывал зависть у мужчин. Слишком красив, даже по меркам демиургов, слишком талантлив, слишком умён, слишком силен, всего слишком. Прирождённый лидер, расчётливый политик, один из самых одарённых Творцов и беспощадный враг, не прощающий никому попыток задеть его самолюбие. Женщины стремились завладеть его вниманием хотя бы на одну ночь, мужчины мечтали видеть его в числе своих друзей.

Так было до встречи с одной стервой, посмеившей бросить ему вызов. Стервой, при одной только мысли о которой в груди поднимается волна чего-то обжигающего. Вот и сейчас, почувствовав, как на душе становится беспокойно, демиург начал лениво перебирать мысли стоящей перед ним девушки:

— Хм, какая потрясающая неспособность блокировать свой разум, ну и что там у неё в голове интересного? — Подставила родную сестру, чтобы попасть ко мне в дом? — Мило, но не оригинально. — Переживаешь, нравишься ли мне? — Напрасно, я даже не обращаю

внимания на то, как ты выглядишь, скажи спасибо, что я согласился потратить на тебя свое время. — Надеешься, что узнав, что ты провела время со мной, женишок-неудачник приревнует? Да он будет гордиться тем, что его женой не побрезговал Истинный. — Творец Сущего... — Какая же скука. — Почему они все одинаковые, что снаружи, что внутри?

Арк мысленно скривился, но на его надменном лице ничего не отразилось. Он давно научился прятать свои эмоции под личиной холодности, граничащей с презрением ко всем окружающим. Да и в сущности ему никогда не было дело ни до кого, кроме...

— Так, стоп, я опять начинаю думать о ней, — одёрнул себя демиург и сделал попытку прислушаться к рассказу ученицы.

Как назло, отвлечься не удавалось, наоборот, внутренний голос ехидно нашёптывал ему на ухо всякие глупости, намеренно втягивая в перепалку:

— Да плюнь ты на эту восторженную идиотку, давай хоть одним глазком посмотрим, как там Она?

— Мне нет до неё никакого дела!

— Кому ты врёшь, ты же сам буквально день назад...

— Заткнись! Я не желаю ничего о ней знать!

От разговора с самим собой у Арка резко испортилось и без того дурное настроение. Ему вдруг захотелось перенестись в старое убежище, где не будет опостылевшей жены с ее постоянным укором во взгляде; «доброжелателей», каждодневно интересующихся, не вернулся ли его старший сын домой, «друзей», ловящих каждое его слово, негласного надзора Совета...

— Творец Сущего, когда же она, наконец, заткнётся? — взмолился демиург. Прародитель услышал его призыв. Девчонка замолчала и, облизнув влажным язычком пухлые губки, вопросительно замерла.

Скупая похвала, указание на незначительные ошибки и жест, позволяющий уйти. Но она делает маленький шаг вперёд и, как ей кажется, призывно смотрит. Лицо мужчины расцветает в понимающей улыбке, он встаёт и приглашающе протягивает руку...

— Завтра, нет, даже сегодня, ты расскажешь всем подругам, что тебе удалось соблазнить самого Аркандиэла Гордого. — Ты будешь взахлёб врать, что я не смог устоять перед твоими прекрасными глазами, божественными формами и роскошными белокурыми, или какие они у тебя там, кудрями. А они будут завистливо вздыхать, и через неделю одна из них обойдёт менее проворную соперницу и окажется на твоём месте, — Арк равнодушно вдавливал девичье тело в шёлковые простыни.

Девушка томно постанывала, царапая острыми коготками спину мужчины. Ей казалось, что так она выглядит более искушённой, и любовник по достоинству оценит ее старания. Откуда ей было знать, что тот, ради которого она строила интриги, рисковала помолвкой, не вспомнит о ней, едва она покинет спальню. Но сейчас для неё это все не играло роли, главное, она своего добилась, а если ещё немножко постараться, то их встречи станут постоянными, а там можно начать убеждать Арка, что она его ниялия. И ради этого она готова пойти на все.

Предмет ее дум механически двигался, не забывая следить за выражением лица своей партнёрши. Ему совершенно не хочется тратить на неё ни одной лишней терции. Достаточно и того, что он снизошёл до низшей. А что касается глупых надежд, то они так и останутся мечтами, есть только одна женщина, ради которой он готов встать на колени.

— Ну давай же ты уже, суккубка малолетняя, — терпение мужчины заканчивалось, и,

нисколько не думая о партнёрше, он яростно задвигал бёдрами. Наконец, девушка прогнула спину, широко распахнула лазоревые глаза и, громко вскрикнув, обессилено рухнула на подушку.

— Хорошая имитация, — мелькнула отстранённая мысль, и спустя мгновение Арк присоединился к тяжело дышавшей красавице.

Позволив любовнице минутную передышку, демиург лениво поцеловал ее в раскрасневшуюся щёчку:

— Спасибо, ты была великолепна, но, прости, у меня ещё есть дела.

Девчонка обиженно фыркнула и, прихватив с пола одежду, скрылась в воронке портала. Едва она исчезла, Аркандиэл открыл для себя переход в другой мир. Пусть все катится в Бездну, но пока он не захочет вернуться, его никто не найдёт.

* * *

Слиб-Тайтх — Брошенная земля. Мир, много тысячелетий назад созданный Арком, как личная берлога, куда он всегда мог прийти, когда хотелось обдумать очередную интригу или просто побыть одному. Если бы кто-то из Творцов Миров увидел, в каком ужасном месте он живёт, то Совет Демиургов поставил бы вопрос о вменяемости Аркандиэла Дикхе Магливира. Ну как можно обитать в мире, где бушуют ураганы, извергаются вулканы, а в болотистых лесах караулят хищники, готовые сожрать любого, кто сунется на их территорию? Как?! Где каждую минуту можно наступить на ядовитую змею, или с неба вдруг на голову спикирует пернатая тварь и попытается выклевать глаза. Где погода меняется каждую минуту, а кажущийся безобидным цветок вдруг выстреливает в тебя струёй яда. Где каждая минута — сражение за жизнь, и белеющие под лишайником кости служат вечным напоминанием о скоротечности пребывания в этом мире.

Но именно здесь, в непередаваемо жутком месте, Арк чувствовал себя настоящим мужчиной. Ему нравилось, притворившись обычным человеком, охотиться в девственных лесах. Запах опасности, схватка с диким зверем, преследование подраненной дичи, зыбучие пески, непролазные топи — все это заставляло его кровь бурлить. Именно здесь, в забытом Творцами мире, где не было ни одного разумного существа, он чувствовал себя живым. И никакая приторная красота других миров не способна была дать ему ощущения свободы и пьянящей радости от осознания, что он ещё что-то может чувствовать.

Оказавшись внутри скромного каменного домика, больше похожего на обитель нищего рудокопа, нежели на жилище демиурга, Арк развёл огонь в очаге, сложенном из грубо отёсанного камня, налил интилийского вина из стоящей на столе пузатой бутылки и, удобно развалившись в старом кресле, позволил себе расслабиться. За окнами билась гроза, кидаясь на стены, как цепная собака, заходящаяся в лае на забредшего во двор бродягу. В голове демиурга мелькнула мысль, что природа пытается передать то, что творится в его душе.

Внезапно мужчина почувствовал колебания пространства. На смену бокалу в руке тут же появился переливающийся сполохами силы кинжал, готовый сорваться в полет в любую минуту. Одна из стен пошла рябью, чтоб через мгновенье превратится в огромный, пульсирующий, словно живой, пузырь. Кто-то неведомый пытается прорваться сквозь толщу стен, но невидимая преграда не пускает. Арк приготовился к нападению, и к кинжалу добавился материализованный меч. Стена лопнула... из проёма, принеся с собой запах

дождя, вышла женщина.

— Реалта Майдин, ещё бы мгновение, и я бы развеял тебя по ветру! — Арк выплюнул фразу, убирая смертоносное оружие. — Как ты меня нашла?

— Мне всегда несложно найти тебя, — печально улыбнувшись, неожиданная гостья опустилась на пол у горящего камина, и протянула к огню тонкие руки.

Заметив на правой руке блеснувший тонкий ободок золотого кольца, демиург презрительно скривился.

— Осуждаешь?

— Не смейся, мне нет до тебя и твоего ничтожного мужа никакого дела.

— А до кого тебе есть дело, Арк? — грустно вздохнула женщина.

— Ни до кого.

— Даже до Нее?

Демиург вспыхнул:

— Ты задействовала Силу крови, явилась в совсем не приветливый мир... И что? Только ради того, чтобы сейчас спрашивать у меня о моих пристрастиях?

— Ты можешь врать мне, но себя не обманешь.

Арк рассержено вскочил и, сжимая кулаки, отчеканил:

— Не забывайся, Реалта! Если ты пришла по поручению Совета, то говори, что им понадобилось, а если нет — оставь меня в покое и вычеркни из головы координаты этого мира. В следующий раз, если ты вздумаешь сюда прийти, я не буду столь любезен!

Реа с горечью произнесла:

— Аркандиэл, я бы никогда не побеспокоила тебя в твоём тайном убежище, но в последнее время твои действия причиняют неприятности близкому мне человеку.

— Да ты бредишь этими смертными! — демиург в бешенстве отшвырнул от себя женщину. — Сначала ты выходишь замуж за пыль под ногами Творцов, теперь придумываешь нелепицы, будто мне есть дело до жалких людишек! Признайся, ты сама давно помешалась на этих никчемных созданиях и теперь переносишь свое сумасшествие на меня. Ну вот что ты в них находишь, ты можешь мне объяснить? — последние слова демиург проорал в лицо опешившей от такой вспышки ярости Реалте.

— Они просто... люди, Арк. Слабые, и в то же время сильные, неразумные, как дети, и с лёгкостью открывающие тайны Мироздания. Они живут, как мотыльки, но успевают за такой малый срок сделать то, что многим из нас не под силу за вечность. Да, они не идеальны, но рядом с ними я отогрелась душой и снова начала творить. А ещё эти, как ты их зовёшь, «ничтожества» умеют так любить и отдавать себя целиком другому человеку, что ты растворяешься в этом чувстве. Они живут, понимаешь, живут и радуются каждому мгновению, а мы... Мы погрязли в праздности, безделье и скуке. Когда ты создавал последний раз что-то живое или радовался такой малости, как восход солнца? У тебя нет ответа... Ты приходишь в эту дыру и через хладнокровное убийство заведомо слабого пытаешься заполнить внутреннюю пустоту. На пару часов это приносит тебе облегчение, но потом все возвращается на круги своя, и ты срываешь свою злость на ни в чем не повинных. Ты...

— Реа, достаточно, — демиург предупреждающе поднял руку, — позволь мне развлекаться так, как мне хочется, а хочется мне как раз пойти на охоту. Так что говори, зачем ты хотела меня видеть, и уходи.

— Но Арк... — женщина сделала попытку продолжить разговор, которая тут же

разбилась:

— Я сказал, достаточно. Позволь мне жить, как я хочу, и избавь меня от слюнявых проявлений твоего щенячьего восторга по отношению к твоим «насекомым» и, если хочешь дождаться естественной смерти своего супруга, больше не беспокой меня!

Реалта с грустью посмотрела на демиурга:

— Я боялась, что она полюбит тебя, и ты искалечишь ей жизнь, и пришла попросить тебя оставить ее в покое. Но мои страхи напрасны, Она никогда не полюбит такого бесчувственного подонка, как ты. Не переживай, я больше никогда по собственной воле не побеспокою тебя. И вот еще что, брат, хотя бы сам себе признайся, что ты любишь ее, — с этими словами Тринадцатая в Совете демиургов растаяла в воздухе.

— Я ее ненавижу, слышишь, Реа, ненавижу!!!! — в стену полетел бокал.

* * *

После ухода Реалты Арка охватила всепоглощающая ярость, грозящая выжечь душу до дотла, если он не даст ей немедленного выхода.

— Ты так восхищаешься жалкими людишками, дорогая сестричка? А как ты себя будешь чувствовать, если я отниму твою любимую игрушку? — с этими словами демиург вытянул вперед правую руку, и через мгновение над ней завис маленький голубой шарик.

Поднеся ладонь к глазам, Аркандиэл презрительно скривился:

— Мотыльки... они не мотыльки, Реа, они назойливые мошки, бесполезные, жалкие существа, которым нет места среди живущих. И будет лучше, если я избавлю нас всех от этой ошибки юных Творцов.

С этими словами Арк медленно начал сжимать руку в кулак. И аватар мира забился, как попавшая в силлок птица. В наэлектризовавшейся тишине прозвучало Первое слово Развоплощения. В одном из измерений на одной из планет сместилась земная кора, порождая в центре Океана огромную волну, устремившуюся к берегам. Второе Слово пробудило вулканы, суша заколебалась, небеса заволокло пеплом, а раскалённая лава начала стремительно подниматься вверх. Осталось произнести Третье слово, и морская вода ринется в образовавшиеся в земле провалы, и прогремит взрыв... а из Ткани Мироздания исчезнут миллиарды нитей.

Под пальцами демиурга, наслаждающегося своим всемогуществом, бились заходящиеся от смертельного ужаса сердца всех живых существ. Одно слово, всего одно слово, и к нему вернётся душевный покой, но почему же тогда он медлит? Этот мир и так обречён, и милосерднее будет прекратить его агонию. Одно слово — и в безразличном Хаосе станет на несколько пылинок больше... Но почему это проклятое слово никак не может сорваться с вдруг помертвевших губ? Может, тому виной биение одного сердца? Кто знает...

— Что ты делаешь со мной... — едва слышно прошептал Арк и разжал стиснутую руку, из которой выпал покорёженный шар...

Где-то далеко мучительно умирал Мир. В воздухе носились крики горящих заживо людей и животных. Куда не дошёл огонь, ворвалась безжалостная ко всему морская стихия. Она уничтожала целые континенты, погружая ещё недавно шумные города на дно, в царство тьмы и покоя. Глупые мотыльки гибли миллионами, и не было спасенья нигде... А виновник их смерти обессилено прислонился к шершавой стене... Уничтожение целого мира отняло

много сил...

Позволив себе минутную передышку, мужчина ударом ноги отбросил от себя аватар и выскочил на улицу. В расцвеченную молниями ночь его гнали неутихающие гнев и злость, два чувства, пожар которых не смогла затушить гибель целого мира. Казалось, будто им овладело безумие, вкрадчиво нашёптывающее на ухо:

— Они виноваты... ты должен им отомстить... заставь их заплатить за свою боль... ты в праве...

Арк бежал, не разбирая дороги, оставляя за собой выжженную землю и трупы животных, не успевших убраться с дороги разъярённого демиурга. И суровый Слив-Тайтх, и так не знающий милостей от своего создателя, познал на себе ярость Творца.

Аркандиэл очнулся, когда перед ним остался стоять вожак тварей, посмеявшихся встретиться на его пути. Всего лишь хищный зверь, попытавшийся защитить свою самку. Наклонив лобастую голову, истекающий кровью самец приготовился к последнему бою. И его болотисто-тусклые глаза, лишённые зрачка, сверкающие неукротимой волей и жаждой жизни, напомнили демиургу глаза серого цвета, однажды так же смотревшие на него...

Сегодня день его триумфа. Наконец-то он заставит заплатить смертную выскочку, посмеявшую нанести оскорбление его семье. С чего эта девка взяла, что может решать судьбу сына Творца миров и остаться безнаказанной? В первый момент, узнав, как девчонка предложила наказать Никэла и его друзей за невинные развлечения, Арк с трудом удержался от убийства нахалки. Руки тянулись вырвать ей сердце, но холодный рассудок требовал отомстить. И он стал думать, как одним ударом наказать и Совет демиургов, и низшую, осмелившихся задеть его.

Сколько сил, времени и денег ушло на подготовку к этому дню, знает только он. Иногда Арк сам себе казался то пауком, ловко плетущим свою сеть, в которую попадёт глупая муха и запутается в его липкой паутине, то крысоловом, умело разложившим приманку для крысы, возомнившей себя равной небожителям.

Он хорошо изучил противника и был уверен, что дурочка не бросит своих друзей в беде, слишком велико в ней чувство ответственности. И пусть он ни разу ее не видел вживую, но Арк твёрдо знал, что не ошибся в своих расчётах. А вообще, она забавная, напоминает дикую зверюшку с острыми коготками, умеющую наносить глубокие раны. Но ничего, ещё пара часов и все закончится, зверёк потеряет свои коготочки и узнает, что такое сочувствующие взгляды, злорадные шепотки за спиной, бессилие, крепко держащий за глотку и разъедающий изнутри стыд от унижения.

Аркандиэл так глубоко ушёл в свои мысли, что не заметил момента ее возникновения в Зале Совета. Она появилась внезапно, из открывшегося портала, и тут же приковала к себе внимание. Скрывая досаду, Арк с ног до головы окинул ее взглядом, от которого большинство здесь присутствующих начинало нервно переминыться с ноги на ногу. А эта стояла, не шевелясь! Проклятая девка даже бровью не повела, когда их глаза встретились, и он, Творец миров, а не смертная, невольно подался назад.

Ее глаза откровенно смеялись над его надменностью, презрением, величественной позой, над попытками ее запугать. Она смеялась над ним, не испытывая не малейшего трепета перед его могуществом. А потом, усмехнувшись, показала правую руку с сияющими на ней кольцами сына и его друзей. И он отчётливо расслышал фразу, предназначавшуюся только для его ушей:

— Только попробуй сунуться — повторишь историю своего сынульки!

Девка посмела ему угрожать!!! Мужчина в бешенстве вонзил ногти в ладони, укрощая зарывавшую Силу, требующую крови соплячки, публично выказавшей ему неуважение. С трудом взяв себя в руки, Арк дал знак тщательно выпестованным помощникам начать воплощать его план.

Девушка внимательно слушала, не перебивая, не задавая вопросов, а демиург жадно вглядывался в лицо, пытаясь прочесть ее мысли, попутно разглядывая смертную. Обычная, ну если не считать Подарка драконов, видимого для него даже сквозь нелепую одежду, хрупкая, как все людишки. В общем, не заслуживающая никакого внимания, и он практически потерял к ней интерес, как к отыгранной карте, но тут случилось непредвиденное. Поначалу он даже не понял, что произошло, отчего по рядам Творцов прошла волна раздражения, замешанного на удивлении. А потом до него дошло — ОНА ДИКТОВАЛА СВОИ УСЛОВИЯ!

Арк в ярости посмотрел на смертную... и безжизненно-холодная синева столкнулась с дымчато-серой сталью. Их взгляды, взяв друг друга в плен, вели только одним им понятный диалог:

— Я уничтожу тебя!

— Попробуй, и я спляшу на твоей могиле!

— Ты будешь ползать у меня в ногах, молить меня о пощаде!

— Как бы тебе не пришлось умолять меня проявить снисхождение!

— Сдайся, признай, что тебе не под силу справиться с испытаниями, что я тебе приготовил.

— Никогда, скорее солнце взойдет с другой стороны, чем ты увидишь меня на коленях.

Арк не выдержал первым и отвёл взгляд. Ещё никогда Творец миров не чувствовал себя полным ничтожеством. И костёр ненависти вспыхнул в его груди с утроенной силой...

И он стал наблюдать за девчонкой. Каждый день, каждый час, каждую минуту тысячи невидимых глаз следили за ней повсюду, а она... она, ничего не замечая, просто жила. Смеялась, грустила, ругалась, воспитывая худших (а он постарался, чтобы ей в команду достались самые худшие) детей Творцов, и упрямо шла к своей цели. Она была словно ветер, поднимающий с земли прошлогодние листья и уносящий их прочь. Арк вдруг почувствовал, что снова стало интересно жить. Ему нравится подглядывать за сумасшедшей, решившей всем доказать, что насмешки природы, обделённые Дарами, могут чего-то достигнуть, нравится пытаться угадать ход ее мыслей, нравится просто смотреть на нее...

Когда ненависть сменилась на желание обладать Женщиной, мужчина и сам не заметил. Но в один из дней он вдруг поймал себя на мысли, что она плотно поселилась в его сердце, занимает все мысли, а зачерствевшая много тысячелетий назад душа встрепенулась, почувствовав, что рядом с ней появилась ниалия.

Ниалия... твое отражение... дар и проклятье Творца Сущего любимым детям. «Встретить ниалию — подарок судьбы, а не встретить — величайшая удача», так говорят демиурги, мечтая о встрече с пробуждающей душу, и молясь, чтобы она никогда не встретила на пути. Почему? Да потому что ниалия пробуждает душу, заставляет ее снова чувствовать горе и радость, любовь и ревность. Она вытравливает из тебя равнодушие и заставляет вспомнить о милосердии. Мало кто добровольно согласится променять свое спокойное существование на кипение ненужных страстей. Но Арк рискнул и наслаждался каждой минутой их общения, пока не проиграл.

Три раза он делал Женщине предложение и три раза он получал отказ. Но в это время

он жил, а не существовал. И пусть порой он вёл себя как мальчишка, впервые взявший девушку за руку, но, Бездна его подери, он был счастлив. Он был счастлив даже тогда, когда она стояла напротив и, яростно сверкая глазами, чеканила слова:

— Я никогда не буду с тобой, — и, развернувшись, пошла к обреченным на проигрыш. А он остался стоять, проклиная судьбу, так жестоко посмеявшуюся над ним. И снова в его душе заворочался ненасытный дракон и поднял свои головы — Ненависть, Гнев, Злость...

Из воспоминаний Арка выдернул рёв раненого животного, в прыжке целящегося ему в горло. Механически выставив меч, демиург вдруг с ужасом посмотрел в глаза умирающего зверя. Столько в них было презрения к своему убийце и жажды жизни, что сквозь кровавую пелену злобы пробилось осознание того, что Аркандиэль Гордый натворил в бессильной ярости. В гневе был забыт древний закон — бессмертный не может умереть, пока жив его мир. И как он теперь будет жить без неё? И стоит ли вообще жить, зная, что ее больше нет? Ответ пришёл сам собой...

Вспорвав пространство, демиург перенёсся в свой дом. Едва оказавшись внутри, он кинулся на колени перед сжавшимся шариком и осторожно поднял его с пола. Из голубого тот превратился в безжизненно-серый, и с каждой секундой он продолжал уменьшаться. Жизнь покинула мир, и есть только один способ вернуть все назад.

Творцу миров подвластно многое, даже время, но только плата за это соразмерна поступку. На одной чаше весов его Дар, на второй — возможность снова увидеть Ее. Что выбрать? Исправить свою ошибку, став слабее, и остаться нелюбимым, или забыть все и попытаться жить, как и прежде? Что дороже — Сила или Любовь? Стоит ли одна Женщина потери Дара Творца Сущего?

Арк сделал свой выбор... Впервые со Дня Сотворения раздались слова добровольного отречения от Силы в обмен на жизнь всего лишь одной женщины. О том, что ради этого придётся повернуть вспять реку времени и вернуть из небытия целый мир, демиург старался не думать.

Он чувствовал, как покидает его Дар создавать Богов, и с каждой искрой уходящей Силы искорёженный аватар начинал оживать. Последняя капля силы заставила снова ставший ярко-голубым шарик повернуться вокруг своей оси, отматывая назад минуты Апокалипсиса. Через бесконечную минуту ожидания Арк снова почувствовал биение сердец, но он потерял связь с Богами...

Горько усмехнувшись, мужчина прошептал в пустоту:

— Ты была права во всем, Реалта, даже ради одного мотылька можно пожертвовать всем, если ты его любишь...

* * *

После того случая Аркандиэла Гордого как будто подменили. Его больше не интересовали ни закулисные игры, ни борьба за место в Совете демиургов. На смену жажде власти пришла глухая тоска. Нет, он не сожалел о потере Дара, Арк сожалел лишь о том, что был самовлюблённым глупцом, упустившим свою птицу счастья.

Былые развлечения больше не приносили удовольствия, и он все чаще стал пропадать в своём логове, потихоньку переделывая Брошенную землю в уютный уголок. Он полюбил сидеть на веранде своего дома и смотреть на закат. А ещё он все так же украдкой наблюдал

за сероглазой женщиной, пробудившей его душу от сна. Демиург больше не врал сам себе, что она вызывает у него только ненависть. Признав свою любовь, он неожиданно понял, что дышать стало легче, и последние оковы, держащие его сердце под замком, наконец-то упали. Арк почувствовал себя свободным.

Только свобода не принесла с собой ничего, кроме боли. Боли от осознания того, что в своём одиночестве виноват только он сам, и рядом с ним нет никого, кто бы мог разделить эту тяжесть.

Как птицы летели дни отчаянья, и однажды он решился спросить у невольного соперника, что даёт тому силу не сломаться...

* * *

Едва орк закончил говорить, как степь снова наполнилась звуками. И среди шорохов вдруг, как гром, прогремело:

— Хочешь, я ее покажу тебе?

Воин вздрогнул и ответил, качая головой:

— Не шути так со мной, чужак, я открыл тебе душу, а ты решил посмеяться.

— Какие шутки, Вождь. Ты помог мне понять, как можно бороться с болью, и я хочу отблагодарить тебя, показав ту, которая даже не снится тебе. Не веришь?

Орк отрицательно качнул головой, но только в его глазах засияла такая сумасшедшая надежда, что, казалось, будто ночь стала светлее. Незнакомец встал, повелительно махнул рукой, из костра вырвался луч света, чтобы через мгновение превратится в живую картину. На ней по берегу моря шла молодая женщина. Воин подался вперед и жадно впился взглядом в любимое лицо.

Она ничуть не изменилась, все та же вечно растрёпанная чёлка, нелепая одежда, и рядом с ней неспешно трусит ее забавный друг. Как будто время не властно над ней... И тут сердце воина сжалось от страха:

— Она умерла?

Ночной гость от неожиданности выронил бутылку, неизвестно откуда появившуюся в его руке.

— С чего ты взял такую глупость?

— Прошло больше тридцати лет, а она все такая же, как и была, люди не могут не меняться. Ты показываешь мне ее прошлое или она перестала быть человеком?

— Это в твоём мире прошло тридцать лет, а в ее чуть больше шести, а в моем проскочили века, — Творец миров горько улыбнулся. Садись, выпей со мной вина, и я расскажу тебе, как она жила все эти годы.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Степь с грустной улыбкой взирала на двух столь непохожих существ, объединённых любовью к одной Женщине. Один был ее братом, и его боль была ее болью. Второй... второй был воплощением Силы, и она чувствовала в нем кровь того, кто однажды создал ее мир. И оба потерявшие все по собственной глупости, а счастье было совсем рядом.

— Мужчины... вечные мальчишки... так и не сумевшие понять, что ей не был нужен ни Воин, ни Бог, а всего лишь Мужчина, рядом с которым она могла бы почувствовать себя слабой, — Великая Сестра была женщиной и она знала, о чем говорила...

Сегодня я провожаю Темку домой. Прошло почти полгода с момента его появления в моей ванной. Шесть месяцев сумасшедшего веселья, разговоров по душам и дуракаваляния пролетели, как один миг. Где нас только не носило все это время...

Начали мы с празднования Нового года в России-матушке. После десятидневного запоя он таки признал: русские — непобедимый народ! А потом стартовал марафон «Зажигаем не по-детски».

Начали мы с выплясывания на самбодроме, потом взорвали танцполы никогда не спящей Ибицы, а на закуску удивили все клубы Манхэттена и Москвы. В перерывах мы приобщались к прекрасному в самых известных музеях мира, медитировали на цветущую сакуру на фоне величественной Фудзиямы, ловили в ладошки брызги воды, любуясь Ниагарой, или просто созерцали величественный Тихий океан. И везде, где мы появлялись, наша парочка становилась объектом пристального внимания. Ещё бы, когда рядом с тобой такой потрясающий мужик, поневоле начнешь втягивать живот и выпячивать грудь!

Девчонки вешаются на него пачками, а он... а он, кажется, только сейчас окончательно разобрался в своих чувствах ко мне. Когда он появился у меня в доме, мне потребовалось значительное время, чтобы осознать, что этот фантастически красивый молодой мужчина и есть тот Темка, которого я таскала за уши, когда поймала с сигаретой.

Теперь, глядя на этого уверенного в себе молодого человека, трудно представить, что он когда-то был угловатым подростком с щедрой россыпью прыщей на угрюмом лице. Как я горжусь им! Он стал не только лучшим выпускником Магистрата Тьмы, но и смог найти путь в мой мир. Он вообще у меня самый умный, талантливый и вообще, самый лучший.

Если кто-то спросит, что у нас с ним происходит, то я честно отвечу — мы больше, чем друзья, мы родные люди, две половинки единого целого. Но мы не любовники. Нет, врать не буду, ещё в первый день мы, вернее он, попытался заняться со мной любовью. Но я не смогла переступить через себя. Даже через тысячу лет у меня перед глазами будет стоять тот брошенный всеми мальчишка, ставший для меня вечным младшим братом. Я ничего не могу поделаться с собой. И к счастью, он это понял и принял. Пусть не сразу, а через какое-то мучительное для обоих время, но понял. Мы поговорили, и он согласился, что я всегда была для него олицетворением мечты, целью, которую он перед собой ставил. Я буду просить всех Богов, чтобы однажды на его пути встретилась та, кто действительно предназначена для него Судьбой. А я, я грохну ее с особой жестокостью, если только она посмеет его обидеть!

Кажется, только вчера он пришёл, а сегодня ему надо уходить. Но теперь мы знаем, что всегда можем прийти друг к другу. Черт, как не хочется расставаться, но надо. Через месяц у Темки состоится коронация, и он, наконец, станет полноценным Лордом Тьмы. Обнимаемся на прощанье, и я, скрепя сердце, даю обещание стать его Хранителем на церемонии. Вот бы еще знать, что это такое... А этот розовоглазый поганец, сколько бы я его не пыталась, наотрез отказался рассказать. Но ничего, отольются кошке мышкены слезки, поросенок, ты ещё не знаешь, что получишь от меня в подарок...

Терпеть не могу официальные мероприятия и принципиально стараюсь от них отмазаться. Но сегодня принципы отдыхают. Плевать, что через час ноги будут стиснуты новыми туфлями, а спина занует от позы «вся-такая-прямая». Перетерплю ведро лака, зацементирующего мои волосы так, что от головы будут пули отскакивать. Начхать, что на лице застынет посмертная маска из килограмма косметики; шея, уши будут оттянуты драгоценностями, пальцы и запястья заблестят, как новогодние гирлянды. Я с поистине королевским достоинством вынесу пытку платьем с корсетом, немилосердно сдавливающим мои ребра. Я выдержу все ради праздника в честь очень близкого мне демоненка.

Но все это будет через час, час, который мне надо пережить, а дальше... дальше я буду ковылять на каблуках, фальшиво улыбаться, мило раскланиваться с посторонними людьми, держать свой поганой рот на замке и демонстрировать манеры английской леди. И все потому, что сегодня Темка, он же Сокопорт корнат Норбортен, прямой потомок и наследник традиций основателя рода, Верховный правитель Темной Империи на Лабулэлирт Диравриникэ проходит обряд приёма титула Темного Лорда.

Я, одетая в одну чёрную рубашку до щиколоток, стою босая на ледяном полу Ритуального зала. В центре возвышается алтарь из мерцающего серебристыми бликами камня, на котором лежит Темка. Моему мальчику предстоит медленно умереть, а мне исполнить прямую обязанность Хранителя Лорда Наследника — удерживать его душу, не давая ей покинуть мир. Такое доверие за гранью понимания, ведь если я не справлюсь — Темка умрет, а я... я, наверное, тоже, потому что мне нет смысла жить без него.

Господи, как же я боюсь не справиться, не удержать, испугаться... А вдруг Жрец или один из его помощников ошибётся, и ритуал пойдёт не так, и я больше не увижу его потрясающие глаза и улыбку?.. Черти бы подрали традиции его рода и сумасшедшие обряды потомков демонов. На моих глазах Темка должен уйти за грань, чтобы через сто тридцать ударов моего сердца возродится. Его агония символизирует прощание с детством, смерть — умение принимать мужские решения, а первый вздох — желание жить на благо Темной Империи. Это так, в примитивном варианте. На самом деле ритуал настолько аллегоричен, что понять какую роль играет каждая буква в заклинании, каждый жест жрецов, каждое моё движение, могут только Боги...

Кажется, начинается... Гаснут свечи, алтарь вспыхивает нестерпимым светом, фигуры в балахонах начинают читать заклинание, сопровождая каждое слово ударом кинжала по незащитному телу, прикованному к камню. Слово-удар, и мне хочется кричать от боли, разрывающей душу. Обсидиановые кинжалы режут нас обоих, только у Темки они выписывают кровавые узоры на теле, а у меня на сердце...

Сколько же это может длиться... минуты растягиваются на часы, наполненные диким страхом. Мои мышцы сведены от напряжения, глаза застилают слезы... губы искусаны, и я молюсь, не знаю кому, но молюсь за него... Пусть он выживет... пусть все будет хорошо... он должен жить... Это невыносимо видеть, как убивают того, кто является частичкой тебя. Но Хранитель не может позволить себе слабость, в моих руках его жизнь. Я должна отринуть все чувства. Вот поэтому Хранитель, а не члены семьи, держит в своих руках души. Слишком велико желание родителей прекратить муки ребёнка, слишком часто в прошлом материнская любовь губила сыновей, отважившихся занять трон отца.

Мне нужно молчать и, не двигаясь, смотреть, как от нечеловеческого усилия сдержат рвущийся из горла крик на знакомом до боли теле бисеринками выступает пот. Как глаза, в который совсем недавно светилась жизнь, почувствовав поцелуй смерти, начинают

покрываться пеленой беспамятства.

Я шепчу про себя:

Потерпи, малыш, я с тобой, пожалуйста, потерпи, мы справимся... только не вздумай умереть по-настоящему... я не смогу жить без тебя... пожалуйста, не бросай меня...

И он будто услышал меня... По лицу пробегает слабая улыбка, в оглушающей тишине слышится тихих вздох... и он умирает, глядя мне в глаза...

Хочу завывать, вцепится ногтями в скрытое под маской лицо Жреца, но вместо этого встаю на колени и, как заворожённая, наблюдаю, как от тела Темки поднимается рой маленьких звёздочек и устремляется к моим ладоням, сложенным лодочкой. Руки опалило огнём, а кто-то внутри меня начинает выкрикивать древние, как сам ритуал, слова:

Кусками истоки жизни ложатся в ладони.
Помогать мне будут металл, огонь и вода.
Воздух с землей пропоют в твоём сердце —
Я есмь то, что повелевает материей мира.
Внимай же: упокойся и предкам вернись —
Тебя ждут великие тени прошлого.
В настоящем ты милость боли почувствуй.
В будущем встань и величай ту боль матерью.
Ибо боль-мать тебе даст защиту и знание.
От пороков избавит, от страха и добродетелей.
В дань отдай свои детство-отрочество,
И вознесись на законный престол мужчиною.
И вознесись на законный престол Повелителем,
Пройдя сквозь горнило мучений неведомых.
Миллионами правят Князя — не рабы —
Они страха боятся. Рабом Князь не может быть.
Сотвори себя заново — предки помогут тебе.
Пройди через пытку — купи себе мужество.
Докажи свою власть и свое на нее искушение.
Поднимайся, ибо твое назначение вижу я. [□](#)

Последнее слово отскочило от гладких стен, а я жадно впилась взглядом в неподвижную фигуру Темки. Мгновение ничего не происходило, а потом искорки души начали безумный хоровод на моей плоти. В голове закружился целый вихрь чужих голосов:

Отпусти. мне тут плохо

Разожми руки... дай мне уйти...

Не держи...

Не мучай меня...

Но я, упрямо сжав челюсти, продолжаю держать частички сущности Темки. Боль в руках стала нестерпимой, казалось, будто плавится кожа, из прокушенной губы потекла кровь, а на ладони навалилась такая тяжесть, что было настоящим чудом, что я их не опустила, позволяя душе вырваться из мира.

Теперь вместо стонов я слышала:

Ты готова поделиться с нами своими воспоминаниями, мечтами, страхами, болью?

Да!

Что ты готова отдать, чтобы я вернулся?

Все!

Даже бессмертие?

Зачем мне оно, если мне не с кем его разделить?

Медленно, как будто неохотно, сверкающие искорки устремились назад к Темке, чтобы через мгновенья втянутся в безжизненное тело. Я считаю про себя, отсчитывая бег времени в незримом секундомере, но оно как застыло. Мне хочется орать от бессилия, и когда я была готова вскочить, и в ярости наброситься на Жреца, тело Темки стало меняться. Как воск с горящей свечи, оплывали юношеские черты лица, уступая место мужественности. Пепельные волосы на моих глазах становились темнее, и там, где раньше серебрились светлые прядки, алыми всполохами запылали красные змейки. Раны на теле заживали, и на смену кровоточащим надрезам приходил замысловатый узор татуировки. Темка привстал над алтарём, и за его спиной раскрылись огромные крылья. Можно перевести дух, все получилось, сейчас мы будем приветствовать нового Темного Лорда.

Но почему он не открывает глаза и не дышит? Почему он снова упал на камень, а жрецы виновато опускают головы, стараясь уйти в тень? Мой испуганный взгляд натывается на растерянный взгляд его отца.

— Что пошло не так? — беззвучно кричу и не слышу ответа.

Как безумная ищу глазами его мать и натываюсь на взгляд, в котором плещется ужас.

Вскакиваю колен, подлетаю к Жрецу и, задыхаясь от боли и гнева, ору:

— Почему он не оживает?!

— Сокопорт не прошёл ритуал, Боги не отпускают назад слабых, — виновато отводит потухшие глаза.

— Сделай же что-нибудь! Вы же убили его!!! Верни мне его назад!

— Не в моих силах...

Во мне поднимается ярость, как он посмел сказать, что мой Тёмка слабак! Наотмашь бью по лицу убийце. Отворачиваюсь от его скорбно застывшей фигуры и замечаю, как один из младших жрецов накрывает моего мальчика плащом. Плащом, который должен был стать мантией победителя, а станет погребальным саваном. Саваном? Не позволю! Что-то страшное поднялось у меня в душе. В голове бьётся только одно: «Он должен жить, даже если мне для этого придётся умереть». Подлетаю к алтарю, обхватываю руками уже остывающее тело и вою раненым зверем:

— Неет!!!! Не уходи!!!! Не смей! Если ты уйдёшь, я переверну небо и землю! Я не позволю тебе оставить меня одну! Слышишь, не позволю!

Я трясусь Темку, плачу, грожу самыми страшными карами. Кто-то пытается меня оторвать от него. Рычу, как волчица, у которой отнимают ее детеныша. Барабаню кулаками по груди моего крылатого, целую бесчувственные губы и откуда то из глубин памяти всплывает:

Пот солёный каплями застывал на лбу.

Я тебе шептала, будто бы в бреду:

Подожди, послушай, нет, не уходи,

Столько дней не прожито, столько впереди.

Как твои ладони были холодны.
И застыло время каплей тишины.
В крике заходилась. Как же я звала!
Как отдать хотела хоть чуть-чуть тепла!
Пальцы снова резала гранями судьбы
И, шепча проклятья, вознося мольбы,
Душу твою слабую цвета серебра
Я от смерти прятала. Не пришла пора!
И на целом свете, среди всех миров
На дороге жизни, на пути из снов
Все отдам, не глядя, цену не спросив
За твое дыханье, чтобы ты был жив.
Улыбнись мне, слышишь? И глаза открой.
Возвратись обратно, снова будь со мной. [\[2\]](#)

Я тихо плакала, прижимаясь мокрой щекой к его бездыханной груди, и вдруг услышала первый удар его сердца. Ещё не веря себе, я смотрела, как затрепетали его ресницы, как дрогнули веки, и на меня посмотрели пока ещё чужие темно-фиолетовые глаза. Волна непередаваемого облегчения прошла по всему моему телу, и я, размазывая слезы, ворчу:

— Поросёнок, как ты меня напугал. Ещё раз такое выкинешь, и я лично тебя прикончу, простенько и без затей, топориком, но зато наверняка. И будешь ты лежать в шикарном гробу с кисточками, весь такой красивый и мёртвый.

Он обнимает меня, закрывая нас от всего мира крыльями, и тихо шепчет:

— Прости, Дашка...

И мы сидим на каменном алтаре, не замечая, как поданные Темного Лорда, встают на колени и произносят клятву верности своему воскресшему господину...

* * *

Праздник. Как много в этом слове звуков, действующих мне на нервы. Как и предполагала, ноги растёрты в кровь, башка немилосердно чешется, от любопытных взглядов на спине дырка выгорела, а ещё только официальная часть закончилась. Скоро позовут к столу, но перед этим надо с умным видом походить среди народа. Испуганный шёпот позади и льстивые взгляды меня бесят. Слишком быстро разнеслась весть, что именно я вернула Темку в мир живых, и теперь половине присутствующих хочется меня отравить, дабы пробиться поближе к трону, половине — примазаться в друзья.

После того, как уже законный Темный Лорд ожил, нам так и не дали толком поговорить. Его, в сопровождении матери и отца, куда-то уволокли жрецы. Меня же сцапали в свои цепкие ручонки Коко и ее помощницы, и отконвоировали в передвижной салон красоты наводить марафет. Лично я бы оделась в джинсы, майку и кроссовки, но протокол есть протокол. Положено вечернее платье и неземной вид, значит, будешь вышагивать, как павлин, нервировать своими небесными чертами бабье и бередить умы присутствующих мужчинок.

Неторопливо фланирую по залу Приёмов, слегка подняв бокал, приветствую Кролика. Пардон, Правителя дреу и Хозяина Ночной Столицы. Небрежный кивок застывшему Императору, тщетно пытающемуся сбросить со своего локтя намертво приклеившуюся руку супруги. Украдкой вздыхаю, глядя на ее колечко. Все-таки фамильный перстень лучше бы смотрелся у меня на руке, жаль, что к нему прилагался муж. Почтительно раскланиваюсь с бывшим любовником дреу и спешу затеряться в толпе. Что-то мне совсем не хочется с ним разговаривать. Не то что бы трушу, просто не хочу ворошить прошлое. Демонстративно отворачиваюсь от подозрительно трезвого Сивки и со счастливой улыбкой устремляюсь к Верховному колдуну и Главнокомандующему. Их я искренне рада видеть и весьма соскучилась по нашим совместным попойкам. Вот с моими старичками я, пожалуй, и постою, пока не дадут сигнал к атаке на припасы.

Дедки обрадовались мне, как родной, и наперебой кинулись расспрашивать, где меня тролли носили. Со смехом рассказываю о своих приключениях, они делятся историями о жизни Темки в стенах Академии магии. Мне по настоящему хорошо в их компании, и этот день перестаёт казаться поганым. Вдруг я чувствую затылком чей — то изучающий взгляд. Поворачиваюсь и... моё сердце останавливается. На меня смотрит тот, кто снился мне уже много лет. Тот, кого я так безуспешно пыталась найти среди случайных любовников и мнимых друзей — мой Мужчина.

Нет, он не красив, и его лицо и тело совсем не походи на статую, вырезанную рукой гениального резчика. Скорее он похож на языческого идола, высеченного из гранитной глыбы косыми дождями и свирепыми ветрами. И под одеждой у него не бугрятся мышцы, но от него веет такой необузданной мощью, что мне хочется подойти и прикоснуться к мужскому воплощению силы. Я смотрю в его глаза и вижу в них отблески костров, горевших в те времена, когда моя далёкая прародительница поддерживала в пещере огонь и ждала моего предка с охоты. И под этим взглядом я впервые в жизни так остро почувствовала себя женщиной, что мне захотелось опустить глаза, выражая свою покорность мужчине. Мужчине, которого я ждала всю свою жизнь.

Мне кажется, что в воздухе запахло полынью, а в ушах раздаётся топот тысяч копыт скакунов, летящих по безбрежной степи. Я смотрю на него и тону, тону в океане его горящих глаз. Откуда-то я знаю, что мы предназначены друг другу, что он так же долго искал меня среди тысяч женщин. Мне хочется смеяться от счастья, что Судьба наконец улыбнулась мне, позволив нам встретиться.

Отныне не будет одиноких ночей, и мне не придётся больше быть сильной. Рядом со мной будет тот, кто станет любить меня такой, какая я есть, не стараясь сломать под себя. Его взгляд зовёт меня подойти, и я, как во сне, делаю шаг и застываю, боясь, что сейчас проснусь, а он исчезнет, как исчезает каждое утро, оставляя мне на память горечь от несбывшихся мечтаний...

Проснувшееся от многолетнего сна сердце колотится, как сумасшедшее. Мне до дрожи хочется прикоснуться к нему, почувствовать тепло его тела, ощутить его губы на своей разгорячённой коже, чтобы поверить — да, он реален. Он видит, как я настороженно замерла. И он принимает мою слабость. Больше всего я боюсь увидеть самодовольную улыбку победителя. Но, слава Богу, он смотрит на меня с такой щемящей нежностью и пониманием, что мне хочется расплакаться от облегчения.

Нас разделяет пара шагов, но мне чудится, будто окружающее пространство перестало существовать, а в мире есть только двое — я и Он. Закрываю глаза, боясь показать вихрь

чувств, бушующих у меня в груди. Мне нужна минута передышки, всего одна, чтобы я могла снова дышать...

Чувствую его дыханье на своей щеке, и слышу хриплый голос, режущий, как бритва, мои оголённые нервы:

— Я нашёл тебя.

Распахиваю глаза и растворяюсь в омуте его страсти. Вся Вселенная сосредоточилась на кончиках его ресниц. Я протягиваю дрожащую ладонь и провожу по его щеке, тихо шепча:

— Как же долго я тебя искала.

Мы застываем в молчании и просто смотрим друг на друга, а наши глаза говорят все за нас. Мы выплёскиваем свою тоску и боль, делимся первыми минутами робкого счастья, клянёмся всегда быть вместе... Он обещает любить меня всю жизнь, а я — хранить нашу любовь. Мы единое целое. Никто и никогда не сможет разлучить нас.

И вдруг все разбивается. Как сквозь туман до меня доносится чей-то голос, зовущий меня по имени. Он отшатывается от меня, прикрывает глаза, а когда снова открывает — в них горит ничем не прикрытая **НЕНАВИСТЬ!!!** Его лицо кривится от презрения, он оттолкнув меня, как гулящую девку, выходит из зала. А меня скручивает от боли — ещё никто и никогда **ТАК** не смотрел на меня. Я растеряна. Не понимаю, **ЗА ЧТО?** Стою в полном оцепенении, ничего не слыша и не видя вокруг. Я не чувствую, как мои плечи обнимает рука Темки, как он практически кричит, пытаюсь достучаться до меня. Не узнаю свой голос, спрашивающий:

— Кто сейчас был рядом со мной?

Мне назвали имя, которое мне ничего не говорит. В ладони до крови впиваются ногти, и эта боль отрезвляет меня. У Темки сегодня праздник, и я не имею права его испортить. Загоняю слезы вовнутрь, поворачиваюсь и, ослепительно улыбнувшись, предлагаю идти веселиться.

А в заледеневшей душе звучит:

Были нежные руки и томные взгляды.
И признания всерьез или полушутя.
Я дарила себя, не просила награды.
Лишь сейчас понимаю, ждала я тебя.
Я черты твои, голос, движенья искала,
Каждый раз ошибаясь и веруя вновь.
Неужели тебе и души моей мало?
Почему так надменно нахмурена бровь?
Разве ты не услышал? Опять не заметил,
Что сердца наши бьются, как будто одно?
Я спешила к тебе через столько столетий
Я прошла через рай, через адово дно.
Разве я виновата, что это другие
Горе, радость делили со мной, а не ты?
Я спешила к тебе и тогда, да и ныне.
Я сожгла за собой возвращения мосты.
Так прими меня просто и без сожалений,
Без желанья хоть в чем-то меня упрекнуть,

Без обид и так ранящих душу сомнений.

И мы вместе пройдем до конца этот путь. [3]

Я шла, не поворачиваясь, боясь увидеть, как на блестящем паркете остались лежать осколки моего сердца вперемежку с разбитыми надеждами и мечтами.

* * *

До утра нарочито веселилась. Кружились в танцах чьи-то лица, раздавался мой смех, я произносила тосты, весело болтала, а внутри зияла пустота. Черт возьми, во мне действительно умерла великая актриса, если никто, включая обожравшегося до неприличия Сосискина, ничего не заметил.

А этот день все длился и длился. Душа корчилась от боли, а на лице приклеена улыбка. Только под утро, когда отгремел праздничный салют, гости стали покидать родовую вотчину Темных Правителей. Незаметно прихватив со стола бутылку какого-то пойла, отправилась к себе в комнату, закрыла дверь и попыталась позорно напиться.

Но не зря же считала этот день поганым. Не успела сделать и глотка, как дверь слетела с петель, и в комнату ворвался разъярённый Темка. Хотя, какой он теперь Темка. Назвать потрясающего молодого мужчину его детским прозвищем было бы глупо. Мне понадобится очень много времени привыкнуть, что теперь этот черноволосый красавец с фантастическими глазами и сводящей с ума фигурой — мой любимый названный брат. Единственный во всем мире, для кого я как раскрытая книга.

Судя по взгляду, он в бешенстве, значит, я все-таки ещё не доросла до серьёзной сцены, и мой удел — погорелые подмости.

— Что он тебе сделал, что твои глаза сейчас мёртвые? — не стал миндальничать.

— Кто? — жалкая попытка притвориться дурочкой перед тем, кто теперь носит в себе частичку моей души.

— Даша, прекрати, — отнимает бутылку и садится на кровать.

— Не понимаю, о чем ты.

— Прошу, не надо врать, я же чувствую, как тебе больно, иди ко мне, расскажи, что случилось, сестрёнка.

Отрицательно качаю головой и отворачиваюсь к окну.

Секунда, и чувствую, как он меня обнимает и, уткнувшись в макушку, шепчет какие-то успокаивающие слова, от которых внутри меня рушится плотина, весь вечер и всю ночь сдерживавшая эмоции. Говорить не было сил, и я позволила ему заглянуть к себе в сердце. А потом... потом рыдала, уткнувшись ему носом в рубашку. А он гладил меня по голове и молчал. Молчал, давая мне выплеснуть боль, обиду и непонимание.

Сколько проревела, не знаю, просто в один момент я поняла, что слезы не принесут облегчения, и, отстранившись от друга, вытерла лицо.

Ты как? — смотрит с тревогой.

Жить буду, — вымученно усмехаюсь.

Хочешь, я найду и вытрясу из него правду?

Лучше убей соседей, что мешают спать! — многозначительно киваю в сторону

открытого окна, из которого доносятся характерные звуки

Мы переглядываемся и начинаем хохотать, как сумасшедшие. А потом я свернулась клубочком под теплым боком Темки и заснула. И хвала Всевышнему, что мне не приснился Тот-кто-меня-оттолкнул.

* * *

Разбудили нас предки Темки, забредшие в мою комнату в поисках ребёнка и застывшие в дверях, с умилением рассматривая наши переплетённые тела. Вскочив, как ошпаренная, я в свойственной мне манере поставила их в известность, что замуж за их кровиночку не пойду:

— Уважаемые, если надеетесь, что как честная женщина, я возьму ваше дитяtko в супруги, то вынуждена признаться — я не честная. Так что перестаньте мысленно составлять список гостей на свадьбу и планировать цвет обоев в комнате внуков.

— А может, все же передумаешь? — лукаво усмехается бывший Темный Лорд.

Потупляю глазки и нарочито вздыхаю:

— Увы, я слишком люблю вашего сына, чтобы испортить ему жизнь.

Темка, хихикнув, чмокает меня в щечку и исчезает в вихре портала, на прощанье пообещав появиться в столовой через пять минут. Его родители ещё раз благодарят меня за спасение сына, а мне жутко неудобно, ну не умею я красиво говорить ответные слова. На мое счастье они не стали одаривать меня подарками, ибо ни в одном из миров не существует материального блага, равного цене жизни.

Едва за ними закрылась дверь, как я отравилась в ванную приводить себя в порядок, ну, или хотя бы попытаться придать себе божеский вид. Обращаться к Коко с просьбой подправить мне фасад не хотела, слишком много будет вопросов, почему у меня зарёванные глаза.

Умывшись, посмотрела на свое опухшее личико и твёрдо решила завязывать с мокрым делом. Ни один мужик, даже если он мужчина твоей мечты, не достоин ни одной слезинки! И я буду жить, загоня боль в глубину души. Я не буду прятаться от людей, уходить в депрессию и доводить себя до нервного срыва самокопанием. Я переживу это. Я ничего не буду узнавать о нем. Я запрещу себя жить воспоминаниями о нашей мимолётной встрече. Я сильная. Я смогу. А он... пусть живёт безмятежно... если сможет.

После завтрака, прошедшего в кругу близких и друзей, день покатился как по накатанной. Приём, на котором Темка принимал колдунов и прочих жителей своей страны, пожелавших лично выразить свое почтение. Послы, с верительными грамотами, придворные жополизы с прошениями, одним словом — скука смертная. Вечером была молодёжная тусовка, куда были приглашены однокурсники. Было весело, особенно когда ко мне подскочила какая-то фифа и попыталась выплеснуть на мою любимую майку вино. Я поймала ее руку, заломила за спину и с душой макнула ее мордой в таз с пуншем. И пусть скажет спасибо, что я его не подожгла!

Отжиг набирал обороты. Молодняк активно отплясывал, ещё активнее напивался, парочки начали исчезать за портьерами, и я стала ощущать себя злобной старой девой, трудящейся вахтершей в женской общаге. Тихонько удалившись, пошла искать Сосискина с Драконом.

Я шагала по коридорам, материлась и думала, куда их черти унесли, когда они мне

срочно нужны. Ну не могу же я, в конце концов, налакаться на глазах у молодёжи. Вся в мыслях, что сделаю с парочкой, если не найду их через пять минут, я не заметила мелькнувшую за спиной тень. Шею сдавили, как тисками, и я провалилась в темноту.

Прихожу в себя от холода. Оказывается, лежу на холодной земле. Ощупываю тело — одежда на месте, руки-ноги не связаны. Открываю глаза и вижу, нахожусь где-то в лесу, возле небольшого костерка. Поворачиваю голову налево и натываюсь на знакомый взгляд, полыхающий ненавистью. Пытаюсь подняться, ноги не держат, падаю. В душе начинается злость — эта скотина даже не думает мне помочь. С трудом принимаю вертикальное положение и спрашиваю, зачем он меня выкрал. В душе я, конечно, знаю ответ, но хочу услышать от него.

— Чтобы убить! — режет взглядом.

Хочется сказать «Ну это у тебя вряд ли получится», но вместо этого хрипло каркаю:

Мне холодно, дай что-нибудь накинуть, хочу умереть красиво, с кинжалом в груди, а не позорно захлебнуться соплями.

В меня летит отороченная мехом кожаная куртка. Молча одеваю, невольно вдыхая терпкий мужской запах. Голова начинает кружиться от неприличных мыслей, разбуженных взбунтовавшимся женским началом. Одёргиваю себя и прошу перед смертью мне рассказать, за что же он так меня ненавидит? Вижу, как от этих слов у него стиснулись кулаки, как лихорадочно заходили скулы, как сквозь плотно сжатые зубы со свистом вырывается воздух. Я вижу, как он злится, как пытается взять себя в руки, как бешено бьётся жилка на виске, и люблюсь чертами его лица.

Боязни нет, есть только желание знать, что такого успела сделать, если Мужчина, предназначенный мне судьбой, так страстно хочет избавить миры от моего присутствия. Повторяю вопрос, он дёргается, как от удара и, перелетев одним прыжком расстояние до меня, впиваясь пальцами мне в плечи, рычит в лицо:

А ты не знаешь?

Отрицательно качаю головой.

Ты разрушила жизнь самых близких мне людей!

Непонимающе смотрю, пытаюсь осознать услышанное. Его раздражает моё молчание, он хочет услышать оправдания, но я не знаю, что говорить. В бешенстве отталкивает меня от себя, падаю, и он, нависая надо мной, как скала, выкрикивает в ярости:

— Ты помнишь Иршэрда?

Тщетно напрягаю память. Это имя для меня пустой звук. И он это видит по моим глазам.

Горько усмехнувшись, буквально припечатывает меня к позорному столбу:

— А ведь он любит тебя до сих пор.

Кто, он? — начинаю потихоньку закипать. Любовь любовью, но характер за 35 лет то уже выработался.

— Мой отец!

— Как будто я знаю твоего отца! — вспыхиваю как спичка.

— Знаешь, но вижу, что не помнишь, — кидает в лицо обвинение.

Никак не реагирую. Мне нечего сказать в свое оправдание, потому что не понимаю, в чем моя вина. Да, я не святая, но никогда не встречалась с женатыми. Хмурю лоб, вспоминая, где и главное когда могла встречаться с его отцом. Но на ум лезет только Правитель дроу, но мой личный прокурор совсем не похож на него. Он вообще не похож ни

на кого, из ранее виденных мной мужиков. Устав ждать от меня ответа, мне выплёвывают правду:

— Мой отец — орк, с которым ты провела в Акконе ночь.

С размаху сажусь на землю и начинаю истерично смеяться. Все же Судьба большая шутница. Подарила мне встречу с отцом, воспоминания о котором я выжигала из себя калёным железом, чтобы через столько лет лбами столкнуть с его сыном, жаждущим моей крови. Некстати вспомнилась моя любимая фраза — за все в этой жизни надо платить. Видимо, сейчас для меня пробил час расплаты. Только все равно не понимаю его всепоглощающую ненависть ко мне.

— Над чем ты смеёшься? — судорожно дёргает кадыком.

— Над попыткой убежать от прошлого, которое меня все же настигло, — устало трут виски в попытке прогнать начинающуюся головную боль.

Хочется оказаться дома, закутаться тёплым пледом и просто полежать в тишине. Но мой безжалостный обвинитель уже начал свою речь. Его слова жалят меня, как злые пчелы, а груз вины камнем ложится на плечи. И мне так тяжело, что кажется, нет сил вынести эту ношу.

Слова сливаются в монотонный гул, а какой-то садист киномеханик запустил свой проектор, и передо мной замелькали кадры чужих жизней...

...Молодая девушка, рыдая, умоляет оставить ей новорождённого сына, но старый шаман, качая головой, отнимает от ее груди заходящийся в плаче свёрток. Она просит дать ей поговорить с мужем, но тот ушёл еще утром, сказав, что не хочет ее больше видеть. Она склоняет голову, принимая решение мужчины, выбранного ей родом и, бросив прощальный взгляд на дитя, уходит из шатра вождя.

...Маленький мальчик, едва научившийся ходить, смешно косолапя, торопится навстречу отцу, спеша поделится радостью — он впервые сегодня сел на гшерда, но мужчина рассеяно потрепав его по макушке, вскакивает на спину верному другу и уезжает в степь. А орчонок, с полными глазами слез, остаётся стоять в пыли, поднятой копытами скакуна...

...Юноша, в окровавленной одежде бежит по Великой Сестре домой, сказать отцу, что прошёл Посвящение. Он больше не подросток, он сумел доказать, что достоин владеть оружием предков. Ему хочется показать всему миру правое плечо, на котором словно огнем выжжена его первая отметина — знак Воина. Духи одарили его высшей наградой для орка — на поднятом вверх остриём меча сияет всего лишь одна буква. Но она означает, что носящий такую отметку — неукротимый духом боец. Его счастье так велико, что он хочется обнять целый мир, крича в небо:

— Я смог это сделать!

Но ещё больше он хочет разделить свою радость с отцом и увидеть в его глазах гордость за сына. И он летит, как на крыльях, едва касаясь ногами цветущей степи, и смеётся, подставляя ещё совсем юное лицо весеннему солнышку. Уже на закате, когда уходящее на покой светило накинulo на землю багряное покрывало, он добрался до дома. Забежав в шатер, он наткнулся на покрытый золой очаг и все понял — отца не было. И снова бешеный бег, но теперь уже на другой конец поселения. Рывком отдернув полог жилища шамана, юноша крикнул:

— Где он?

Старик горько вздохнул:

— На Капище Ушедших богов.

Свист ветра в ушах, два сердца колотящиеся в унисон, залитая светом трёх лун Великая Сестра... И обида, жгучая обида, выедающая душу, что даже в такой день отец снова оставил его одного. Но сегодня он узнает, что за причина вот уже столько лет гонит того в степь... А если отец не станет с ним говорить, он уйдет из рода. Но лучше быть изгоем, чем всю жизнь пытаться доказать родителю, что ты чего-то стоишь.

Картинка меняется, и как будто со стороны я вижу мужчину, сидящего возле костра. Он смотрит мои фотографии, разговаривает со мной, рассказывая, что жизнь без меня лишена смысла. Он просит у меня прощения, умоляет вернуться, и все это видит юноша. Он выходит из ночи, подходит к отцу и требует объяснений. И суровый орк, поникнув перед горящим взглядом, рассказывает сыну нашу историю...

Господи, я и не знала, как он меня любит! Я никогда не верила, что есть такая вечная любовь, отравляющая жизнь. Если бы я только знала, сколько боли принесёт наша встреча... Сердце щемит от боли, и я беззвучно кричу:

— Что же мы наделали, орк...

Мой похититель закончил рассказ и замолчал, а я осталась стоять морально раздавленной, не зная, чем смогу оправдаться. Вина когтистыми лапами рвёт мою душу, капая на рану ядовитой слюной-раскаяньем. Кто-то невидимый шепчет мне на ухо:

— Радуйся, теперь ты точно можешь сказать, что оставляла за собой разбитые сердца и надежды.

Вскидываюсь в протесте:

— Но я же не знала, что так все случится!

— Мы всегда в ответе за свои поступки! — безжалостно хлещет невидимый собеседник.

Последние слова разбудили во мне незнакомку с ледяным взглядом. Она тихо шепнула:

— Да, мы согласны нести наказание за свои ошибки, но мы не будем отвечать за чужие.

Отодвинув меня за спину, леди Возмездие механическим голосом, лишённым человеческих эмоций, ответила на обвинение:

— Это очень легко, Орк-чьего-имени-я-не знаю, ненавидеть и обвинять во всех своих бедах постороннего человека, гораздо сложнее испытывать такие чувства к близким людям. Не я отнимала у матери сына, не я отправляла ее в изгнание, и не я лишала ребёнка детства. Моя вина лишь в том, что однажды я поддалась на уговоры трёх демиургов и попала в твой мир.

Мой обвинитель вознамерился ей возразить, но его порыв разбился о стальное:

— Я выслушала тебя, и теперь, Воин, позволь говорить мне. Даже приговоренный к смерти имеет право высказаться, и ни один палач не вправе его лишать последнего слова.

Видит Бог, я не хотела причинять ему боль, но Железная леди внутри меня, уже вырвалась на свободу:

— Ты мне не судья, а я не буду оправдываться за ночь, проведённую с твоим отцом. И ты знаешь, что это он ушёл от меня на рассвете, оставив одну в чужом мире, а не я бросила его. И мне потребовалось очень много времени, чтобы осознать это. Я ломала себя, чтобы принять его поступок. Это сложно орк, ломать свои взгляды в тридцать лет. А ещё сложнее научиться быть благодарной тому, кто тебя предал. Тебе никогда не узнать, чего мне стоило понять, что только из-за твоего отца я выжила. Останься тогда он со мной, мы погибли бы оба, потому что не было никакого ужасного Темного Лорда, а был брошенный всеми подросток и дыра в измерение к демонам. И приди мы к нему с войной, — леди Кара вздохнула, — до сих пор в твоём мире лилась бы кровь, и гибли бы крылатые девчонки.

Под ее обличительным взглядом орк словно заледенел, и только судорожно ходящий кадык выдавал бурю, гремящую у него душе. А я... я умоляла ее пощадить Мужчину моей жизни, но она не знала жалости, и ее слова резали его по живому:

— Но вот чего я никогда не прощу твоему отцу, так это того, что он отдал меня своему брату. Как ненужную игрушку, как старый башмак, как надоевшую любовницу. Я не вещь, орк, и никому не позволю решать за меня, с кем мне быть. И не смей мне говорить, что он хотел как лучше! И я не хочу знать, как он раскаивается! Тогда он сделал выбор за нас двоих, я его приняла и пережила. А он... он повел себя как глупый мальчишка, сначала оторвавший у бабочки крылья, а потом горько плачущий, что она не может летать. Вот поэтому я не хотела его видеть и говорить с ним. Мужчина, по трусости отказавшийся от своей женщины, не достоин моего прощения. И еще, спроси у своего отца, как бы он жил, прими я предложение его брата. Смирится бы он или совершил братоубийство? Потребуй у него ответа, Орк-что-хочет-моей-смерти, а потом выноси свой приговор!

Я видела, как ему больно... как тяжело слушать правду... как мне хотелось облегчить его ношу и переложить тяжесть на свои плечи, но вторая, ранее не известная мне часть души, не позволила этого сделать:

— И в бедах твоей матери виновен Иршерд, а не я. Вернее, они оба виновны. Про него я все сказала, а твоя мама... она никогда не любила отца. И она не имела права оставлять тебя. Она слабая женщина

— Да как ты смеешь так говорить о моей матери! — хлесткая фраза не хуже пощёчины обжигает меня, но я не привыкла отступать.

— Твой выход, сестра, — тихо прошелестело в голове, и незнакомка пропустила меня вперед.

— Смею! — кричу в ответ, — и едва слышно добавляю — если бы я любила...

Но он не дает мне договорить:

— Да что ты можешь знать о любви! Ты, проходящая по чужим жизням, как ураган, оставляя за собой одно разрушение! Что ты можешь знать об этом?

В ответ на это у меня внутри что-то лопнуло. Горячее, обжигающее, поднимающиеся из самых глубин души и сметающие все на своем пути. Голос спокоен, разум холоден, сердце... сердце рвется на части и кричит в такие жестокие глаза:

— Смею! Слышишь меня, Тот-кто-ищет-виновных! Если бы я любила, то перевернула бы небо и землю, но добилась ответа! Это только с мертвыми нельзя бороться, их место в сердце живым никогда не занять, а со всеми остальными можно биться за счастье! — мой голос набатом гремит среди спящего леса. С отчаяньем загнанного зверя я пытаюсь достучаться до заледеневшего от многолетней обиды сердца:

— Я бы никогда не позволила своему мужчине растрчивать свою жизнь на воспоминания о прошлом! И тем более ни за что не позволила отнять у меня сына. Я бы нашла способ забрать своего ребенка и скрылась, да так, что меня бы никто не нашел. И поверь, мой сын никогда бы не чувствовал себя обделенным материнской любовью и не вырос в озлобленного мужчину, перекладывающего вину родителей на чужие плечи! И ты можешь разрезать меня на куски, но от этого ничего не изменится, моя смерть не вернет тебе мать и не заставит отца жить настоящим. Мне жаль тебя, орк, ты живешь в ненависти, ничего не замечая вокруг.

— Не смей меня жалеть! — ревет мой обвинитель, и я вижу, как в его руке появляется кинжал.

Но страха нет, в конце концов, я уже умирала, зато есть бесшабашность, пузырьками шампанского вдруг заигравшая в крови. Как хмельная, подхожу мужчине, кладу ему руки на плечи и, пьянея от собственной смелости, шепчу в упрямо сжатые губы:

— Ты снился мне каждую ночь, и это тебя я искала в безликой толпе.

Он дернулся, как от удара, а я, прижавшись щекой к его груди, прошептала:

— Запомни, ничто и никогда не происходит просто так. Судьбой было записано, что мы встретимся, и та встреча душевной ночью в Акконе была лишь прологом к этой. Я люблю тебя, орк, я твоя женщина, и этого не изменить. А ты, ты обречен любить меня. Мы созданы друг для друга. И я не боюсь это сказать, и рано или поздно ты признаешь мою правду.

Слышу, как от этих слов забилось его сердце. Поднимаю взгляд и вижу, как глаза цвета изумруда темнеют, слышу его судорожный вздох и обреченное:

— Что ты со мной делаешь, Избранная...

А дальше... Поцелуй, обжигающий нервы... мой хриплый стон... тяжелое дыхание... бешеный стук сердец... рвущаяся под руками одежда... холод травы и пылающие тела... качающиеся в небе луны... и осознание — так правильно, так должно быть... И его властное: Запомни мое имя — Оршер.

И мое еле слышное:

— Я попробую...

* * *

Ежась от утренней прохлады, я сидела у подернувшегося пеплом костра и смотрела на спящего мужчину. Даже во сне, на его лбу залегала суровая складка, а сам он был похож на притаившегося хищника. Такой близкий и такой чужой. Назначенный мне судьбой, но который никогда не будет со мной. Я до рези в глазах вглядываюсь в любимое лицо, стараюсь запомнить каждую черточку навсегда. Слез нет, я не имею права на них. Это потом будут истерики, боль, летящая в стену посуда, бессонные ночи, а сейчас... сейчас я хочу украсть у судьбы еще несколько минут счастья. Не хочу думать, как буду жить без него, не хочу знать, что ждет нас впереди. Гоню от себя мысли, что через несколько часов превращусь в старуху-ростовщицу, перебирающую как закладные записки, минуты нашей близости.

Собираю волю в кулак. Пора уходить, иначе я не смогу сделать то, что должна. Запрещаю себе прикоснуться последний раз к любимому. Подхватываю валяющийся на земле кинжал и ухожу, ни разу не оглянувшись. Я иду вперед, продираясь сквозь заросли, а там за спиной остался тот, кто стал для меня всем. Наконец, деревья расходятся, и я выхожу на опушку леса. Достая из-за пояса кинжал и с каким-то остервенением провожу им по запястью. Кровь лениво бежит, собираясь в тягучие капли, которые не торопятся падать на землю. Мне кажется, будто время застыло, а мне нужно спешить...

Прошла целая вечность, прежде чем рядом со мной появился Владыка. Что-то ломается во мне, я бросаюсь к нему на грудь и прошу:

— Дракон, миленький, забери меня отсюда, пожалуйста.

Он, ни слова не говоря, обнимает меня, и в кольцо его рук я наконец-то позволила себе заплакать.

Мам, пап и мои дорогие бабушки и дедушки! У меня для вас радостная новость — я беременна.

Через 10 минут после бурных проявлений восторгов:

— Даша, а кто отец?

— Странный вопрос, мама, мужчина, конечно. Или ты думаешь, меня ветром надуло?

Когда ты ему скажешь?

— Никогда.

— Но он имеет право знать!

— Да? И откуда у него возникло это право?

— Он будущий отец...

— Отец тот, кто вырастил, а он так, яйценосец-донор.

— Но ты же не даешь ему шанса быть рядом с тобой!

— Всем давать — переломится кровать.

— Подумай о ребенке! Что ты ему скажешь, когда он спросит: «А где мой папа?»

— Скажу, что он был лётчиком-испытателем.

— Прекрати, хоть в такой момент ты можешь быть серьезной? Зачем себя обманываешь, ведь ты же понимаешь, что он тот, кто тебе нужен?

— Ты и в прошлый раз говорил, что я нашла идеального мужика, ну, и что из этого вышло?

— Я и сейчас это повторяю, и тот, и этот были твоей половиной, а ты второй раз воротил свой нос. Ну ладно, первый раз ты вбила себе в голову, что тебя бросили, но в этот раз ты сама предпочла бегство. Хоть сейчас ты можешь сказать мне, почему ушла в то утро?

— Ненавижу утро. Ты просыпаешься и начинаешь суетиться, нести всякую чушь, отчего выглядишь, как полная идиотка. Неловко предлагаешь выпить кофе, а сама мечтаешь, чтобы он поскорее ушел. Обоим стыдно за вчерашнее, ты теребишь пояс халата, не зная, куда деть свои руки, он смущается, путается в своих штанах, чертыхается под нос и долго шарит глазами по полу в поисках носков, стесняясь посмотреть в глаза. Потом залпом выпивает чашку растворимой бурды, мнетя у выхода, отводя глаза, говорит дежурное: «Я тебе позвоню», и чуть не бегом покидает квартиру. И оба облегченно вздыхают, когда за ним закрывается дверь.

— Так говорят о случайном любовнике, а не о своём Мужчине. Ты хоть представляешь, что с ним было, когда он понял, что тебя нет рядом?

— А что, было бы лучше, если бы он открыл глаза и увидел рядом ту, которую ненавидел всю свою сознательную жизнь и обвинял в том, что из-за нее у его самых близких людей не сложилась судьба?

— Но вы же поговорили!

— Но ему нужно время осознать это!

— Скажи, что ты просто струсила!

— Да, я струсилась, потому что больше всего на свете я боялась увидеть в его глазах презрение к самому себе! Ты думаешь, одна ночь может перечеркнуть все годы его жизни?

— Нет.

— Тогда зачем ты терзаешь меня этим бессмысленным разговором?

— Я хочу, чтобы вы были вместе!

— Мы никогда не будем вместе.

— Почему?

— Дракон, ты, такое мудрое существо, порой бываешь таким глупым. Он и я, мы действительно с разных планет, у нас даже время течет по-разному. И этого никто не изменит. Я не смогу жить на Лабуде, а он сойдёт с ума на Земле.

— Даша, не говори ерунды, когда любишь, все равно где жить.

— Друг, это только в сказках с милым рай и в шалаше, в жизни все иначе.

Этот разговор повторяется у нас с Владыкой практически каждый день с тех пор, как я имела глупость признаться, что жду ребёнка. Хотя, что я вру. Я была настолько счастлива, что жаждала поделиться со всеми своей радостью. Понять, что я испытала, когда увидела две заветные полоски на тесте, может только женщина, отчаянно желающая иметь ребёнка. Когда стихли радостные крики, и ко мне перестали относиться, как к хрупкой статуэтке, всех очень сильно стал волновать вопрос: «А кто же отец?».

Сначала я отшучивалась, что ветром надуло, но когда Пра популярно объяснила нынешний состав моей крови, а также в красках расписала последствия «опасного секса» не пойми с кем (уж не знаю, на кого она намекает) пришлось колотиться, кто у нас в папашках записан. Подруга превратила мою жизнь в кошмар. Видите ли, до моего случая считалось невозможным, чтобы между представителями разных рас из разных миров могли случаться дети. Но я, как всегда, отличилась. Вот и приходилось мне ежечасно мерить давление, взвешиваться, давать себя ощупывать и обмеривать, позволять сцеживать у себя кровь.

Драконы задолбались прилетать мне на помощь при каждой процедуре, пока им не объявили, что их Сестра ждёт малыша. Вот тогда для меня разверзся Ад. Возле меня стали нести караул как минимум десять чешуйчатых сиделок. Я в туалет не могла спокойно сходить, чтобы через две минуты после того, как я закрывала дверь, ко мне не стучались и не спрашивали, как там у меня дела.

Через неделю я сбежала на Изменчивый к Пифагору и попросила у него убежища по беременности и родам. Через два дня меня нашли, я закатила грандиозный скандал, пригрозив, что уйду жить к Арку, переколотила всю посуду в доме Верховного демона, но своего я добилась. Меня оставили в относительном покое, и я вернулась на наш остров. Вот только Дракон периодически приседает мне на уши, пытаюсь заставить сообщить Оршеру радостную весть.

Беременность я переносила хорошо, ну если не считать токсикоза, перепадов настроения, отёкшего лица и огромного живота. Кстати, больше всех радовался новости о смене моего статуса Сосискин. Он и был первым, кому я сказала, вернее, это он сказал мне, что показала заветная полосочка. Как он скакал от радости, вереща:

— Ура, у нас будут щеночки! — надо было видеть.

После чего он заставил Эдика читать ему вслух литературу для беременных и отправился в компании своего компаньона на курсы молодых отцов. Пес забросил все свои аферы и махинации, погрузился в мир сосок, подгузников и молочных смесей. Наверное, не осталось ни одного форума будущих матерей, где эта неугомонная парочка не была бы

зарегистрирована. По вечерам они громко дискутировали о преимуществах родов в воде и традиционных способов разрешения от бремени. Деловые круги миров лихорадило от неизвестности, куда делись ведущие игроки, а им было все равно. Чувствую, мой малыш получит двух совершенно сумасшедших нянек, и это не считая всех остальных моих друзей. Эх, поскорей бы он уже родился, так хочется посмотреть, на кого он будет похож.

От мечтаний меня отвлек назойливый голос Дракона:

— Даша, и все же почему ты не хочешь сказать ему?

— Амиго, я скажу тебе, но давай договоримся, ты больше никогда в жизни не задашь мне этот вопрос.

Дождавшись утвердительного кивка, я спросила

— Где, по твоему мнению, должна жить жена?

— У мужа, конечно — сердито пыхтит.

— Правильно, но я слишком люблю его, чтобы уйти жить в его мир. И пока ты не стал орать, какая я дура и что сама себе создаю проблемы, поясняю. Сколько лет мне и ему ты знаешь, и в этом возрасте кардинально поменять свой образ жизни могут единицы, и я к этому числу не отношусь. Это только в юности можно броситься за любимым на край света, не думая «А как на том самом краю я буду жить?».

— Даша, ты несёшь чушь! Неужели комфорт для тебя важнее любви? — не утерпел мой мучитель.

— Нет, не важен, но я не хочу убивать свою любовь. Да, я ради него перееду жить в шатер, буду каждый день мазаться средствами от блох, прежде чем лечь в постель из чьих-то шкур, готовить ему еду на костре, выжигая себе глаза едким дымом, периодически обвариваясь кипятком, потому как я не умею этого делать. Я буду стёсывать пальцы в кровь, пытаюсь отстирать в ледяной воде его рубашки. Буду, задыхаясь от отвращения, разделявать туши добытых зверей. Я все буду делать ради него и даже смирюсь с удобствами во дворе и отсутствием ванной. Потому что все мои мучения будут сглаживать потрясающий секс и благодарная улыбка сытого и чисто одетого любимого. Но однажды я посмотрю на свои огрубевшие руки, или просто почувствую скопившуюся усталость, и мне станет так горько, что захочется прижаться к родному телу и понюхать. Но милый будет на очередной охоте или войне, и я впервые подумаю «А оно мне надо?». И это будет первый звонок. И со временем такие звонки будут все чаще и чаще раздаваться в моей голове. И настанет день, когда я возненавижу его за все, что со мной происходит. Я начну обвинять его в том, что он не смог дать мне того, чего мне хотелось. Мы начнём ссориться, и если поначалу постель будет нас примирять, то со временем даже секс не будет помогать. В одно отнюдь не прекрасное утро я проснусь и пойму, что ненавижу его за то, что он вырвал меня из моей привычной среды. И это помимо того, что я буду сходить с ума от скуки, потому как на его родине из всех развлечений — война да набег. А еще, мой друг, ты забыл, что я, вроде как, не только переспала с его отцом, но и имела отношения с Правителем заклятых врагов орков. Это всегда будет стоять между нами, и если он хоть раз попрекнёт меня этим, то между нами все будет кончено в ту же минуту. Гордость не даст мне простить его. Так что, мон ами, у меня, куда ни кинь, всюду клин.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В продолжении моего монолога Дракон молчал. Да и что тут можно возразить? Когда двум влюблённым по 18–20 лет и они начинают вместе жить, им легче притереться друг к другу. Ещё не выработались привычки, ещё не сложился уклад жизни, и они с трудом, но

учатся уступать друг другу. Кому-то это удаётся, и они так и проживают свою жизнь вместе, кому-то нет. Да и в молодости все переносится легче. Но когда встречаются два взрослых человека, половину жизни проживших, как им хотелось, найти компромисс гораздо сложнее. Оба — сложившиеся личности, и подстраивать себя под другого мучительно больно, даже когда ты любишь до одурения. А я действительно люблю орка, чтобы превратить его жизнь в самый большой кошмар мужиков — жизнь с женой-истеричкой. Ну и характер у меня, чего уж скрывать, совсем не шоколадный.

От пессимистических мыслей меня отвлекло сердитое:

— Хорошо, я согласен, что ты вся такая дитя города не можешь жить на природе, но почему тогда он не может жить у тебя? Или, в конце концов, вы можете жить в любом мире.

Рычу от злости. Жутко хочется курить, но я вроде как бросила. Делаю глубокий вдох, считаю про себя до десяти, и отвечаю:

— Ты точно решил сегодня довести меня до нервного срыва, а мне в моем положении противопоказаны отрицательные эмоции.

Судя по пыхтению, мой древний, в смысле давно живущий друг, явно не понимает, какую чушь сейчас сказал. Беру себя в руки, вместо сигареты засовываю в рот травинку и задаю провокационный вопрос:

— А кем он будет на Земле?

— Что значит, кем? — непонимающе смотрит семейный психолог-дилетант.

— А то и значит, — смотрю, как на душевнобольного.

Под моим скептическим взглядом до него со скрипом начало доходить, что я имею в виду. А я решила окончательно закрыть тему моего совместного проживания с Мужчиной моей мечты.

— Ты прекрасно знаешь, как я живу, что ко мне запросто заходят на рюмку коньяка демиурги, в мою жилетку плачутся боги. Среди моих приятелей есть и демоны, и темные лорды, пророчицы и мои дражайшие родственники-драконы. Уже умолчу о том, что я неприлично богатая пожилая девушка. И скрыть это невозможно. Даже если я прикинусь босячкой, то в какой бы мир мы не скрылись, меня все равно найдут, и ложь откроется. Как бы пафосно не звучало, но я в какой-то мере не последняя фигура. И кем он будет рядом со мной? Карманно-комнатным мужем? В своем мире он воин, по чьему приказу идут в бой. Он родился и вырос на воле, а свобода и битва его сущность. И ты предлагаешь мне лишить его всего, и вместо того предложить «Три Т»? Тапочки, тахту и телевизор? Да, ради меня он, может быть, согласится какое-то время быть в моей тени, но он не тот человек, что будет терпеть это вечно. Ты видишь его на диване с пивом, смотрящим футбол изо дня в день? Или ты думаешь, он согласится играть на вторых ролях? Рано или поздно он захочет вернуться домой, и передо мной встанет выбор — уйти с ним или остаться. И сценарий повторится. Но при любом раскладе он будет меня ненавидеть за то, что поломала ему жизнь. Думаю, ты все понял и больше не будешь терзать меня дурацкими разговорами.

— И все-таки ты не права, глубокомысленно кивает головой друг после продолжительного молчания. Вы должны поговорить и найти выход.

Поднимаю глаза к небу и, поглаживая свой животик-арбуз, даю торжественное обещание:

— Я поговорю с ним, когда мы оба будем готовы к разговору. Мне нужно набраться храбрости, а ему разобраться в себе.

В компании двух девиц весьма фривольного поведения, которых он не помнил в каком мире подцепил, Аркандиэл вторую неделю зависал в таверне «Тролля отрыжка». Первый раз в жизни демиург ушел в банальный загул со всеми полагающимися по случаю атрибутами: пьяные дебоши, случайные собутыльники, доступные женщины и утреннее похмелье. Вот и сейчас он сидел в самом дальнем углу зала и гипнотизировал взглядом кувшин с вином. Голова трещала, сердце колотилось, в глотке полыхал пожар, а исцеляться щелчком пальцев желания не было. Нынешнее времяпрепровождение Творец миров называл «Полное погружение в мир смертных» и находил извращённое удовольствие в своём теперешнем состоянии.

Налив в мигом запотевшую кружку пахнущую кислятиной жидкость, Арк сделал приличный глоток и чуть не поперхнулся, услышав:

— Неправильная опохмелка ведёт к длительному запою. Алкоголики со стажем предпочитают пятьдесят грамм водочки.

На него, нахально развалившись на соседнем стуле, насмешливо смотрела упитанная такса. Демиург не спеша допил «лекарство» и вопросительно поднял бровь:

— Ну и что же великому и ужасному Сосискину нужно от меня? После чего снова налил полную кружку.

— Поговорить, но я вижу, ты не в том состоянии, чтобы вести деловые разговоры, — незамедлительно последовал ответ.

— А не пошёл бы ты со своими беседами, — Арк отмахнулся и сделал знак дебелой служанке, в чьём бесславном роду отметились болотные гоблины, принести ещё вина.

— С чего пьёшь-то, болезный? Аль радость какая приключилась? — дождавшись ухода разносчицы, ехидно оскалился пес.

— Отвали в Бездну, — отмахнулся демиург, прикладываясь к кружке.

— Отвалю, как только мы поговорим, — продолжил настырничать нежданный гость.

Арк приглушенно выругался. Насколько он знал друга одной очень хорошо знакомой ему молодой женщины, тот просто так не отцепится. Проще было поговорить и продолжить приятное занятие в обществе бутылки, чем продолжать перепалку. Разогнав наползающее алкогольное забвение, Творец миров проскрежетал:

— О чем ты хотел со мной поговорить?

— Вижу, рожа просветлела, — глумливо хмыкнул собеседник и без перехода припечатал:

— Ты в курсе, что она ждёт ребёнка?

— Я узнал это раньше, чем она, — ответ Творца Миров моментально настроил приставучего пса на серьёзный лад

— А кто отец ребёнка, ты тоже знаешь?

Утвердительный кивок и тоскливый взгляд стали ответом.

— Тогда у меня к тебе предложение, от которого ты не сможешь отказаться, — с морды собаки исчезла глумливая маска, и в Арка уперся немигающий взгляд. Демиург невольно поёжился, сейчас вместо нелепого, толстого зверя на него смотрел опасный противник, не останавливающийся ни перед чем для достижения своих целей. Если бы кто из знакомых Сосискина (деловых партнеров и конкурентов приплетать не будем, они-то как раз были в

курсе его подлинной морды) услышал сейчаспса, то очень сильно удивился бы стальным ноткам в обычно дурашливом голосе:

— Я хочу предложить тебе уравнивать бег времени в двух мирах, взамен этого скажу, в каком мире находится твой старший сын, и что ему нужно сделать, чтобы вернуться.

— Ты предлагаешь мне помочь сопернику и лишиться дара Творца Сущего? — Арк в бешенстве поднялся и, отбросив стул, угрожающе навис над кобелем.

— Сядь и слушай, — рявкнул пес, ничуть не впечатлённый демаршем. Он второй, кого Судьба назначает ей в спутники жизни. Третьего шанса эта капризная дамочка не дает никому. Она все равно никогда не станет твоей, и только от тебя зависит, будет твоя любимая женщина счастлива или нет. И лишаться Силы тебе не придётся. В тебе течет кровь создателей этих миров. Не мне тебе рассказывать, как вы резвитесь с мирами своих родственников.

— Я не буду облегчать ему жизнь — отрезал Арк, всем своим видом давая понять, что разговор закончен.

— Не хочешь по-хорошему, будет по-плохому — ощерился пес. Сейчас она на эмоциях и забыла про временные петли, созданные Тринадцатой для Мелкой, Рыжика и их семей. Но я обязательно напомню ей об этом факте и сообщу, что ты мог помочь, но отказался из-за мелочного эгоизма. Подумай, стоит ли лишать себе пусть хотя бы дружбы с ней или нет.

— Пусть Реалта и помогает, она вроде как тоже родственница, а я стелить постель другому не буду, — мужчина усмехнулся и сложил руки на груди. И не надо пытаться меня шантажировать, ты сам сказал, она никогда не будет моей, так что мне терять нечего, а облегчать жизнь никчёмному орку, который, как его папаша, отвергает ее, не собираюсь.

— Это будет сложнее, чем я думал, — прошептал под нос пес, а потом громко крикнул: Трактирщик, как тебя там, тащи своего лучшего вина, а не ту мочу гоблина, что ты выдаёшь за благородный напиток!

Только через несколько часов Арк сломался.

Хорошо, я сделаю то, что просишь. Но за это ты позволишь мне воспользоваться Тканью Мироздания.

А судьба сына тебя не волнует? — приподняв ухо, устало спросил охрипший пес.

Он заслужил свою кару, — отрезал демиург, давая понять, что разговор закончен.

* * *

— Пра, вколи анестезию или тупо дай по голове, а еще лучше — сделай кесарево сечение, я больше не могу терпеть эту пытку!!! — орала я в перерывах между схватками.

— Даша, потерпи, у тебя все отлично получается, вон уже головка показалась.

— Да ты, старая вешалка, мне это уже какой час говоришь!!!

— Все идет нормально, нет причин накачивать тебя лекарствами или прибегать к хирургическому вмешательству! И вообще, как сношаться, так смеяться, как рожать, так плакать! — сурово отрезала подруга, не желая облегчать мне родовые муки.

— Все, отныне перехожу на старый добрый петтинг! — огрызнулась я в ответ, мечтая свернуть дорогой подружке голову.

— Ты ещё неплохо держишься, большинство вообще целибат клянутся блюсти, — откуда-то снизу раздался голос Сосискина, с боем прорвавшегося в стерильное помещение.

по иномирию. Больше всех за меня радовалась наш главный коммерсант. Она прямо лучилась радостью, что внучка вся пошла в нее, а не в гнилую породу учительницы музыки и научного сотрудника.

Через день они уже во всю спорили о будущем внуков и правнуков. Одна часть семьи твёрдо вознамерилась вырастить из них как минимум Денисов Мацуевых, как максимум Аристотелей, вторая — Ротшильдов. Пришлось родственничкам напомнить, что дети вроде как не сироты и у них есть я, которая имеет свои планы на воспитание. Чувствую, впереди меня ждет затяжная война на педагогических полях. Но это будет не скоро, а сегодня мы просто будем праздновать и очень надеюсь, что наша штаб-квартира не сильно пострадает от наплыва гостей.

— Ой, какие хорошенькие, как подросли! — с этими словами в мою комнату ввалились демиурчики, первыми пришедшие на официальное празднование дня рождения моих детей.

— А ну быстро одевайте на свои наглые рожи маски нечего мне тут детей заражать своими бациллами, микробы чумные! — сердито запыхтел Сосискин, перекрывая им дорогу к стоящим у окна кроваткам.

— Вообще-то у нас никакой заразы быть не может! — небрежно отмахнулся от наезда Кабан и первым прошёл посмотреть на моих близняшек.

— А чего с пустыми руками припёрлись? — продолжал ворчать хвостатый нянь.

— Обижаешь, мы пришли с дарами! — отгеснив, перекрывшего дорогу пса, буркнула Бестия и присоединилась к Старшине. Полчаса все восторгались малышами, и к большому неудовольствию Сосискина, каждый из ребят подержал их на руках. А потом началась раздача слонов. Друзья щедро одарили моих детей. Им досталось все то, о чем мечтает каждый из нас. Сила, ум, отвага, здоровье, неуязвимость и защита от любых попыток причинить им вред. Единственное чего я категорически запретила делать, так это наделять их магией. Они и без нее прекрасно проживут, достаточно и того, что благодаря генам их отца, они и так будут заметно отличаться от других детей. Не хватало только чтобы они у меня Гарри Поттерами росли.

Знакомые Боги наградили близняшек таким количеством благословений, что если бы они имели вес, дети никогда бы не смогли встать на ноги под тяжестью «сюрпризов». Драконы и прочие натащили игрушек, артефактов, амулетов и подобной около и магической фигни. От греха подальше попросила Дракона прыгнать все это «богатство» для лучших времен.

Сосискин с Эдиком расщедрились и отвалили детишкам по целой планетарной системе каждому, и это не считая неприличных вкладов в банке. А Верховная дикса, передала написанные специально для них пророчества и велела их открыть только в день совершеннолетия.

Праздник прошел на «ура». Мы веселились, танцевали, дурачились, вспоминали наши приключения. Моя родня, правда, сначала нервничала, а потом отошла и органично влилась в коллектив. Особенно хорошо вписался дедуля, замучивший одного небожителя теологическими вопросами.

Когда торжество отгремело, я, проводив гостей, переделалась и пошла в детскую, проверить как там близнецы. Виновники столь масштабного переполоха тихо сопели. Глядя на их мордашки, на меня накатила такая нежность, что на глазах выступили слезы. Как мне хотелось чтобы этот день с нами разделил еще один человек... Но не судьба.

От мыслей об Оршере меня отвлек голодный рев одного из малышей. Вынув из кроватки

сердито вопящее чудо, я быстро расстегнула халат и приложила ребенка к груди. С умилением рассматривая свое сокровище, я и не заметила как в комнате возник вечный друг-враг.

— Ты сейчас как никогда похожа на...

— На кормящую мать, Арк, ты то не будь банальным и не вспоминай Мадонну с младенцем. Мне до нее как борцу сумо до солиста балета.

— Ты как всегда язвительна, даже материнство тебя не исправило, — притворно вздохнул демиург.

Подискутировать нам не дал второй проголодавшийся, отчаянно завопивший, требуя своей законной порции. Не оборачиваясь, я быстро скомандовала:

— Арк, не стой как просватанный. Возьми со стола термос с бутылочкой и покорми ребенка.

— Даша, но я никогда не кормил младенцев! Я даже их никогда не держал! — даже не глядя в его сторону, было понятно в какой панике он пребывает.

— Вот точно все мужики одинаковые. Как что, так не умею, — сердито ворчу в ответ. Давай, не трусь, все бывает в первый раз. Аккуратно бери его, клади на сгиб руки, и вперед, обеспечивать бесперебойную кормежку.

— А если я его уроню? — в голосе демиурга слышится нешуточный страх.

— Не уронишь, это физически невозможно сделать, на детях столько всего магического навешено, что они атомную войну переживут и к нам на могилки приходить будут на Пасху.

Через минуту я наслаждалась видом очумелого лица Арка, осторожно держащего кроху на руках. Он, не дыша смотрел на сладко причмокивающего ребенка, и что-то ему тихонько шептал...

Сюсюкаться и восторгаться он перестал как только на практике применил только что освоенные знания по предмету «Заставь младенца срыгнуть». А потом прошёл курс молодого бойца по дисциплине «Быстрая смена подгузника». Картина «Творец Миров меняющий памперс» навсегда останется в моей памяти! А еще я всегда буду помнить как Арк смотрел на меня и детей...

Мысли в голове путались. Я никогда не могла себе представить, что расчётливый подонок может быть таким человечным. Да и он давно перестал был для меня подонком...

Общение с грудничками даром не проходит. Если одному беби-ситтеру из демиургов для восстановления нормального вида требовался щелчок пальцев, то мне пришлось идти в душ, а после переодеваться. Еще раз удостоверившись, что дети крепко спят, я поцеловав их в разгоряченные от сна щеки, вышла на террасу.

Арка нашла сидящем на диване с бокалом вина.

— Будешь? Это мое любимое, итилийское, — заметив мое появление, он приглашающе качнул бокалом.

— Мне нельзя, я кормлю, — без малейшего сожаления отказываюсь, и забираюсь к нему под бочок.

Он обнимает меня за плечи, а я глядя, на занимающейся над морем рассвет, пытаюсь понять, что творится у меня в душе. Как не горько осознавать, но я запуталась в трех мужчинах, и ни одного из них не готова отпустить от себя. Знаю, что это мелко, эгоистично, но ничего не могу с собой поделать. Каждого из них, я по своему люблю.

Темка это частица моей души. После детей, он самое светлое что есть у меня. Даже на расстоянии я чувствую его радость и грусть, отчаяние и веру, все его мысли, желания, мечты.

И дело тут не в обряде взросления, а в тех невидимых нитях, что много лет назад связали нас.

Орк... орк моя жизнь, мой огонь, моя сила и слабость. Он тот, с кем я хочу каждую ночь засыпать, чтобы утром вместе проснуться. Он единственный кто, пусть хоть на какое время, но понял меня. Рядом с ним я могу быть слабой. Я знаю, что он никогда меня не предаст, если. если мы когда-нибудь будем вместе.

Арк... Я люблю его как... Я не знаю как, но люблю. Когда его долго нет, я скучаю по нашим перепалкам. По ехидному прищурю нахальных зеленых глаз. Меня восхищает его извращённый ум, его целеустремлённость и умение красиво проигрывать. Но я не вижу его рядом с собой. Рано или поздно он попытается меня сломать, а я даже не умею прогибаться.

И если между мной и Темкой ничего не стоит, то между мной и Оршером всегда будет стоять тень его отца. А между мной и Арком — его сын и его фиаско. И тот и другой, вряд ли смогут отпустить наше общее прошлое...

Я зябко повела плечами, пытаюсь отогнать от себя грустные мысли.

— Замерзла? — на мои плечи опускается теплая шаль.

Поднимаю голову, шепчу «Спасибо» и... целую его. Без всякой задней мысли, в знак признательности. На задворках сознания мелькает мысль, что это наш первый поцелуй. Наши губы соприкасаются и мир для меня рассыпается на тысячи Вселенных. Меня больше нет, если только океан щемящей сердце нежности и грусти. Я вкладываю в этот поцелуй все свои чувства и мысли. Хочу передать губами то, что никак не могу сказать — мое сожаление, виноватое «прости», надежду, то когда-то он сможет меня понять и принять мой выбор. И мне кажется, он меня понимает... Его руки скользят по моей спине, и отчего-то мне кажется, что так и должно быть и именно этого мне не хватало все это время...

* * *

Арк не хотел идти на праздник. Зачем травить себе душу лишним подтверждением того, что соперник тебя обошёл и отнял то, что могло быть его? Как ему хотелось убить орка, когда он узнал, что его ниалия ждёт ребёнка... Но он смог взять себя в руки, и усмирить свой гнев. Если загул в компании отребья и доступных девиц можно считать «успокоением». Ради нее, он оставил ничтожного смертного в живых, только ради Нее... Он не хотел снова причинить Ей боль.

И он почти успокоился, но тут пришел этот настырный проныра. Сначала он вывернул у него душу, напомнив о проклятом орке, а потом ещё потребовал чтобы Аркандиэльд помог ему. И ведь не отстал, пока демиург не поклялся именем Творца Сущего, что поможет быть вместе Ей и тому, кому она отдала свое сердце.

Странно, но после этого Арк начал смиряться с выбором любимой. Но вот только ее детей он принять не мог. Они стали живым воплощением того, чего у него никогда не будет.

Если бы кто-то спросил, зачем он все-таки пришел на торжество в их честь, он бы не смог дать ответа. Себя он убедил в том, что просто зайдет к шантажисту сказать, что выполнил его просьбу.

Но он никогда не мог предугадать поступки своей ниалии. Она заставила его взять на руки одного из тех, кого он невзлюбил еще до того, как тот родился. И едва крошечный человечек оказался у него на руках и посмотрел такими знакомыми глазами, как мир в душе Арка перевернулся.

— Что же ты делаешь со мной? — шептал он, глядя на сероглазое чудо, уже зная, что никогда не сможет причинит вред ни этому существу, ни тому, кого сейчас кормит его любимая женщина.

Весь в смятении он вышел на свежий воздух. В голове царил сумбур. Но откуда-то на ум пришла ее любимая фраза: «За все в этой жизни нужно платить». И тогда он понял, что сейчас, наблюдая за любимой женщиной, не ставшей его, он расплачивается за свою гордыню, за жажду власти, за интриги и разъедающую душу, жажду мести. За все то, что до встречи с ней, было смыслом его жизни. И от осознания этого, ему стало так муторно, что он понял, отчего иногда люди, словно дикие звери, воют от безысходной тоски...

А она. она ничего не подозревая, что творится у него на сердце, подошла, села рядом и доверчиво прижалась, позволяя себя обнять. Сколько бессонных ночей, он мечтал об этом. Чтобы она вот так просто, подошла и села... Чтобы в ее глазах не пылала ненависть и презрение...

Арк почувствовал, что в ее душе происходит борьба, но как бы ему не хотелось заглянуть в ее мысли, он не посмел этого сделать. Слишком страшно, узнать что таится за ее вдруг погрузневшим взглядом.

А потом... потом она его поцеловала. Он видел, что это всего лишь знак признательности, но вдруг поцелуй изменился. И демиург почувствовал все то, что она хотела сказать. И он не смог, да и не захотел сдержаться, и ответил на прикосновение ее губ. И пусть это будет украденное счастье, но он заслужил его. Хотя бы на одну ночь. Его ночь, ночь когда она пусть на несколько часов станет его.

Он перенёс их в его дом на Слив-Тайтх, в то место, где он никогда не был с женщиной. А она под действием магии даже не заметила этого. И там, в отблесках горящего камина, под шелест дождя он любил ее. И любовь эта была с привкусом горечи. Но это он осознает лишь завтра. А сейчас он смотрит как темнеют ее глаза... Как на чуть смугловатой коже бисеринками выступает пот... Как она закусывает нижнюю губу, пытаясь сдержать хриплый стон. Потом он расплатится за то, что ее руки сжимают его плечи, а она сама как натянутая струна прижимается к его груди. Потом, все потом, а сейчас есть только Он и Она... Только жар ее тела... разметавшиеся по подушке волосы... и ни с чем не сравнимое ощущение, от осознания того, что именно эта Женщина бьется в твоих руках от наслаждения.

Утром он вернул ее домой, стирая все воспоминания о произошедшем. Он так и не сказал ей, что отныне время в ее мире и в мире ее Мужчины будет течь одинаково... А Она так и никогда и не узнала, что он украл у нее одну ночь...

* * *

— Ну и что вы, юные дарования, опять учудили? — стараясь не заржать, я смотрела на близнецов, напоминающих вождей краснокожих. На личиках боевая раскраска команчей, вставших на тропу войну, головной убор из перьев, и что-то подозрительно напоминающие скальпы, болтаются у поясов.

— Мам, мы с дядей Головастиком играли в индейцев.

— Дядя выжил? — усмехаюсь, представляя какую счастливую жизнь мои пятилетние отпрыски устроили шаману.

— Пациент скорее жив, чем мёртв, — улыбается беззубая радость, и застенчиво шаркает

ножкой в разорванных кроссовках, которые вроде как с утра были новые.

— Надеюсь, вскрытие не проводили, чтобы удостоверится? — уточняю на всякий случай.

— Он сбежал от нас! — второе дитяtko притворно вздыхает, и смотрит на меня знакомыми до боли глазами, в которых скачут задорные чертики.

— А чего не связали то? — уже открыто смеюсь, рисуя в голове картинку, как два вечных энерджайзера доставали гоблина, по наивности согласившегося за ними присмотреть, пока я с командос навещала одного зарвавшегося колдунишку.

Но на всякий случай интересуюсь, не натворили они чего-нибудь. А то после их недавнего посещения Ифика с Кефиром, мне пришлось полностью восстанавливать бестиарий. Детишкам, видите ли, монстриков стало жалко и они их отпустили на волю.

Дети ответить не успели. Открылся портал и из него с перекошенным от злости лицом, выпал дорогой названный братец. Увидев друга я, уронила челюсть на пол. В этот раз близняшки оторвались по полной и бородавочник-недоросток щеголял таким боди-артом, что все граффити должны удавиться от зависти. Отпрыски у меня природы творческие и ничто прекрасное им не чуждо. Видимо под впечатлением от посещения очередного музея, куда их намедни таскали прабабка с прадедом, на них напало вдохновение, и они решили попробовать свои силы в живописи. Несчастный гоблин теперь был на одну половину нежно голубого цвета, а на вторую — ярко фиолетового. По всему телу скалились диковинные создания, порхали птички-галочки, росли ягодки-грибочки, а на спине был изображен кособокий домишко, из трубы которого, вылетала ведьма на метле.

— Надеюсь, это была простая акварель, в противном случае кое-кто не сядет на мягкое место, — вспоминаю свой родительский долг, и напускаю на себя суровости.

— Ты еще не видела, во что они превратили мою пещеру! Да ко мне Великие духи теперь только поржать будут заходить! — хватается за голову пострадавший. А я только на пять минут отлучился.

Кровинушкам хватило совести покраснеть и начать лепетать, что они так больше не будут. Но на меня их «раскаяние» перестало действовать после того, как они взорвали лабораторию Гламура, пытаюсь, по их словам, сварить себе какао. Вот откуда на рабочем месте химика-подрывника может взяться их любимый напиток, они так и не смогли мне внятно объяснить.

— Значит так, кошмары мамыны, пошли в кладовку, взяли тряпки, ведра, чистящие средства и шагом марш убирать за собой. Про сладкое и походы в гости можете на ближайший время забыть. Отныне домашний арест и работа на свежем воздухе. Как раз бабуля жаловалась, что у нее цветник зарос, а прополоть некому, — озвучиваю наказание, подавляя в себе жалость к проказникам.

— Бессердечная Змея, ну ладно тебе, подумаешь детки немного поиграли, чего ты прям сразу зверствуешь, — тут же кинулся на их защиту недавняя жертва.

И если я только узнаю, что им кто-то помогал, — перевожу взгляд на адвоката-недоучку, — кое-кто получит по первое число. Не балуй мне детей. Нашкодничали, пусть отвечаю за свои поступки.

Головастик, подхватил уныло сопящих близняшек, и поспешил скрыться с моих глаз, пока я еще что-нибудь не придумала. Проводив удаляющуюся троицу взглядом, вышла из дома и направилась к берегу моря. Плюхнувшись на лежак, закурила. При детях я себе такой вольности не позволяла, дабы не подорвать авторитет. Я у них родительница строгая, но

справедливая, а вот остальные стараются их нещадно баловать. Удивительно, что они растут нормальными, а не капризными говнюками, не понимающими слова «нет» и считающих себя пупами земли.

Иногда я завидую их нереально волшебному детству. Кто из их сверстников может похвастаться, что спокойно гуляет по мирам, катается на драконах, своими вечными «почему» доводит до нервного срыва могущественных магов и правителей, а Верховный Демон Мрака читает им сказки на ночь? У кого еще в крестных куча демиургов и целых полк любящих тетушек и дядюшек из Богов, оборотней, гномов, и прочих сказочных персонажей? Кстати, спиногрызам на генетическом уровне передалась моя не любовь к эльфам, так что остроухих у нас в приближенных к семье и дому не отмечены, нам как — то дроу больше по душе. Ох, не забыть бы Мечнику пополнить запас валерьянки, чадушки вроде как к нему на следующей недели собирались. Или к Зорро, проведать его сынишку? На всякий случай отошлю им обоим.

Вечером, укладывая своих чертенят спать, я услышала ставшую практически ежедневной, просьбу рассказать им про папу. Первый раз, когда дети спросили меня, почему у них нет отца, я растерялась. Как бы не готовила к себе к этому вопросу, прокручивая в голове тысячи ответов, но все равно оказалась не готова. Как мне им объяснить, что я до сих пор морально не созрела встретиться с их отцом? Умом понимаю, что усугубляю свое положение, но вот сердцем... сердцем отчаянно трушу. Время идет, дети растут, я скрываю от Оршера их существование, и лишаю его отцовства, повторяя на наших детях его судьбу. Каждый день я говорю себе, что завтра обязательно поговорю с орком, но... приходит завтра, и я опять малодушничая. Знаю, он не откажется от детей, но вот меня запросто. Слишком много боли я ему причинила и продолжаю причинять. По моей просьбе Темка его тайно фотографируют и снимает на видео, и близнецы знают как выглядит их отец, но я категорически запрещаю рассказывать мне о нем. Слишком больно...

— Мам, ну чего ты? — детский голос выдернул меня из раздумий.

Ласково улыбнувшись, отвечаю:

— Ваш отец замечательный человек, и он очень вас любит. Он великий воин, и сейчас ему пришлось отправиться на войну с одним злым волшебником...

* * *

На черных шелковых простынях, под роскошным балдахином, украшающим внушительное ложе, в страстных объятиях слилась парочка. Кровать натужно скрипела, полупрозрачный пеньюар, чьей-то похотливой рукой превращенный в банальный комок тряпки, сиротливо жался на полу. Недвусмысленные звуки сигнализировали о приближении кульминации. Мужчина, вцепившись в бедра своей партнерши, уже начал порывивать, предчувствуя скорую разрядку, вдруг замер как раненый в самое сокровенное, услышав голос, одного жутко нахального пса:

— Нет, мы таки с ума сходим без перерыва на обед, а он тут секс-спаринг устроил!

Девушка царапая ногтями спину, требуя продолжения банкета, еще не подозревала о размере проблем, только что появившихся в спальне Темного лорда. Но вот вторая фраза, заставила роскошную блондинку, несколько сбавить обороты и начать потихоньку задумываться о причинах паралича партнера:

— Заканчивай свою физзарядку! Мы вторую ночь глаз не смыкаем, а он тут развратничает! К обвинениям наглого кобеля, добавилась обличительная реплика его постоянного компаньона Эдика: — Гони свою цыпочку, у нас тут дети.

Не слушая попискивания любовницы, полновластный хозяин Темной империи скатился с кровати, и, материализуя на себе штаны, гневно зарычал:

— Вы совсем с ума сошли, близнецов сюда притащили?

— Не ори, мы их еле уложили! — хором рявкнули на него закадычные друзья, опасливо косясь на стоящий в углу диван.

— Пушистик, а закончить? — закапризничала красотка, до которой наконец дошло, что долгожданный оргазм отодвигается на неизвестный срок.

— Прости кошечка, а давай ты дома сама закончишь! — едва сдерживая бешенство прорычал в ответ любовник, и она с тихим хлопком исчезла.

Спровадив девицу, жаждущий крови молодой мужчина повернулся к неугомной парочке, и не хуже змея зашипел:

— Повторяю вопрос, какого лысого гнома вы притащили сюда детей, да еще ввалились в тот момент, когда я был слегка занят?

Будь на месте кобеля кто-то другой, то ему хватило бы совести покраснеть. Но сегодня звезды явно не были расположены к Сокопору. Поэтому вместо извинений, он услышал:

— А куда нам прикажешь с ними деваться? Если с несчастными крошками все отказались сидеть, а их неугомной мамаше в компании ее чокнутых командос приспичило прошвырнуться в один закрытый мир, и навести там шороха.

— Так причем тут я? Моя очередь с ними сидеть через две недели! — прикинув масштаб разрушений, мужчина тут же вспомнил график дежурств.

Ну Темочка, у нас с Эдуардом сейчас очень важные переговоры, которые плавно перетекут в корпоративчик. А там будут пьяные дяденьки, не совсем приличные тетеньки, ты же не хочешь, чтобы твои племянники узрели оборотную сторону мира взрослых? — залебезил пес, пятясь задом на выход.

— Нет конечно! — в ужасе задохнулся «дядя», представляя, что невинные дети могут увидеть на празднике жизни для бизнесменов.

— Вот и отлично, мы знали — на тебя можно положиться! — не давая ему вставить и слова, бодренько твякнул хвостатый проныра, и пулей вылетел за дверь. Его компаньон повторил манёвр и через секунду Темка понял, что его развели как лоха.

— Куда! — заорал он и кинулся догонять двух аферистов, но время было упущено. Нахалов и след простыл.

Отчаянно матерясь себе под нос, обжегоренная жертва чужого вероломства, вернулась назад в комнату. Подойдя на цыпочках к дивану, он с умилением начал рассматривать двух сопящих детей.

— Как же вы похожи на ангелочков, когда спите, — едва слышно прошептал он и тут же в ужасе отпрянул. На него смотрели четыре нахально поблёскивающих, жутко любопытных глаза.

— Может пронесёт и они сейчас заснут? — промелькнула робкая надежда.

Надежда не оправдалась.

— Дядя Тема я хочу есть.

— А я пить и писать.

— А мы играть будем?

— А пошли кататься на грифоне?

— Демоны и боги, дайте мне сил! — взмолился самый могущественный колдун, и, схватив детей на руки, отравился на кухню, по пути делая зарубку сварить успокоительное зелье, чтобы хватило на всех обитателей его замка.

На следующее утро.

— Мой Лорд, осмелюсь спросить, а как вы относитесь к скульптуре основателя Вашего рода?

— Честно говоря, лард Канцлер, она мне не слишком нравится, предок по слухам совсем не похож на себя.

— Значит, Вы не очень расстроитесь, если я скажу Вам что ее больше нет?

Повелитель Темной империи поднял глаза от ноты протеста, присланной ему сегодня змеелюдами, и вопросительно уставился на своего первого заместителя.

Под суровым взглядом, старик стушевался и начал бормотать:

— Дети играли в салочки в Галерее Предков, а она там чуть не по середине...

Тяжело вздохнув, лидер темных сил, скупо обронил:

— Уберите из замка все бьющиеся предметы и ограничьте доступ к парадным залам, оружейной, подземелью и всем помещениям, которым может быть нанесён урон.

Со словами:

— Проще пережить вражеский набег, чем визит тих двух сорванцов, — посетитель удалился.

Через несколько часов.

— Мой Лорд, дети таскают за хвост вашу любимую мантикору и пытаются накормить василиска кашей! — истерически всхлипывая, в высокий кабинет ворвался Главный смотритель зверинца.

— Мертон, займите чем-нибудь детей, например, предположите им попугать единорогов, у меня назревает политически кризис, а вы с глупостями лезете! — рявкнули в ответ, а в воздухе отчетливо запахло неприятностями.

С тихим писком, жалобщик ретировался, а хозяин кабинета снова уткнулся в документы.

В течение дня к первому лицу Темной Империи заглядывали:

- 1) Верховный колдун с жалобой на пропажу древнего артефакта «Дыхание Бездны»;
- 2) Главнокомандующий с просьбой дать ему отпуск или отправить на войну;
- 3) Старший дворецкий с претензией на качество охранных заклинаний;
- 4) Казначей со списком предстоящий трат;
- 5) Служанки, стражники, повара и многие, многие другие.

Ближе к вечеру.

— А что это у нас так тихо? — потирая затёкшую шею, спросил Темный лорд, прослушав доклад Главы Тайной Канцелярии о состоянии дел в Империи зла.

— Так близнецы активировали старый портал, созданные еще вашим делом и ушли в соседние измерение к демонам в гости, — последовал четкий ответ, и кое-кого на голове зашевелились волосы.

Оршер затаившись за валуном наблюдал за стаей улфуров, повадившихся нападать на молодых гшэрдов. Он шёл по следу хищников целый день, и теперь выжидал удобного момента, чтобы напасть. По опыту воин знал, что первым надо убить вожака, но как назло матерая зверюга не спешила выходить на открытое пространство. Солнце начало клониться к закату, а поганая тварь так и оставалась недосягаемой. Наконец Духи предков сжалились над орком и самец потрусил в сторону залёгшего охотника. Когда расстояние между жертвой и его предполагаемым убийцей сократилось до броска кинжала, перед Оршером возник Повелитель Темной империи в боевой ипостаси. Только вид его был несколько потрепанный. Правый глаз заплыл, одежда порвана, а на раскрытых черных крыльях спеклась кровь. Орк вскочил, тут же забыв про улфура, и приготовился отразить нападение, с тоской понимая, что шансов выстоять против такого противника у него практически нет.

Какого же было его удивление, когда Темный Лорд приветственно кивнув, сказал:

— Оршер, дружище, ты же сейчас не особо занят?

Орк растерянно покачал головой.

— Вот и отлично, — бодро воскликнул неожиданный гость, и выпихнул из-за спины двух чумазных детей. Вещи их я попозже тебе переправлю.

— Эээ... — только и смог выдавить орк.

— Чем кормить? — перевёл его мычание Властелин темных сил. — С этим проблем нет. Едят тоже, что и ты, к горшку приучены, правда, мыться не очень любят. Но ничего, ты молодой, сильный, справишься. Ах да, чуть не забыл, обычно им сказки на ночь читает Верховный демон Мрака, но у него приключился приступ какой-то болезни, так что это почётная обязанность переходит к тебе, — с этими словами Правитель темных исчез.

Оршер растеряно смотрел на мальчика, держащего за руку девочку, и не понимал, с какой стати Темный Лорд оставил их с ним. Дети в свою очередь внимательно рассматривали его. Время тянулось, и никто из троих не рисковал нарушить молчание. Первой не выдержала девчушка, вырвав ладошку из рук брата, она сделала шаг вперёд, и, улыбнувшись, сказала:

— Пап привет, я Варя, а этот шкет — Влад.

— Сама ты шкетиха, — буркнул мальчик, и дёрнул ее за косичку, сплетённую, вернее как-будто сваленную из разноцветных волос. Потом вытер нос рукавом, и тоже поздоровался.

Воин ошарашено прошептал:

— Папа?

Дети синхронно вздохнули:

— Ну а ты что думал, нас аист на капустном поле нашел? — усмехнулась девчушка, а мальчишка добавил:

— Нам что тебе рассказать, откуда дети берутся?

Новоявленный папаша отрицательно махнул головой, а его взгляд растеряно перебегал с одной мордашки на другую. Заметив его замешательство, мальчик хихикнул:

— Варька, он не верит, что мы его.

— Владь, я тебя таки умоляю, не будь идиЁтом, не каждый день человек узнает, что у него неизвестно откуда взялись дети. Дай ему хотя бы нас разглядеть, — с умным видом ответила девочка, и лучисто улыбнулась, демонстрируя отсутствие двух передних зубов.

Мужчина последовал ее совету, и начал жадно вглядываться в детские лица. И чем дольше он смотрел, тем отчётливее понимал, что перед ним стоят его дети. И кто их мама,

было нетрудно догадаться. В них поровну слились черты обоих родителей, вот только у мальчика более волевой подбородок, а у девочки глаза матери. У обоих в ушах сверкают серёжки, только у девчушки проколоты оба уха, а у мальчика одно, а головы украшают странные причёски.

Духи предков... Это его дети... его и Женщины, встречи с которой он безуспешно ищет последние годы. Глаза мужчины гневно сверкнули, почему она скрывала от него их существование? Как она могла прятать от него детей? Почему ничего не сказала?

— Пап, давай ты потом будешь думать какую часть тела маме первой оторвёшь, а сейчас мы разберёмся вон с той зверюшкой, что подкрадывается к нам? — голосом паиньки попросила девочка, и показала пальчиком на ульфура, приготовившегося прыгнуть на ее отца.

— Варька, быстро за спину, — скомандовал мальчик, откуда-то достал непонятную штуковину и направил ее на оскаленную пасть зверя.

— Да сейчас, разбежался, мне тоже хочется попробовать новый подарок дедушек Ырка и Норкса, так что отойди и не мешай мне прицеливаться, — сморщив носик, малявка, достала точно такую же штуку и направляла ее на хищника.

Зверь прыгнул, и одновременно с этим произошло несколько вещей. Дети крикнули:

— Папа пригнись!

Раздались два хлопка, просвистел кинжал, и тело вожака упало на землю.

Пока орк усилием воли унимал стук бешено стучащего сердца, его сын подошёл к убитому зверю, и деловито тыкая носком ботинка бок твари, озадачено почесал лохматую макушку:

— Интересно, как теперь выяснить, кто завалил эту помесь волка с гепардом?

Даже если у Оршерда и были какие сомнения, то после этих слов, они бесследно улетучились. Он счастливо рассмеялся, и подошёл к обиженно сопящему сынишке:

— Думаю, это сделал ты!

В спину ткнулся острый кулачок:

— Это я первая нажала на спусковой крючок, и он вообще слону в задницу с пяти шагов не попадёт, так что это мой трофей.

— Да, дочка точно пошла в маму, — прижимая к себе детей, глупо улыбался воин, представляя какое лицо будет у его братьев по роду, когда он вернётся домой...

* * *

Поздно ночью орк, с улыбкой рассматривал своих спящих детей, и вспоминал первые часы их общения. Всю дорогу он волновался, что им придётся заночевать в степи из-за того что близняшки устанут. Какого же было его удивление, когда даже через два часа быстрого шага, он не услышал ни одной жалобы. Напротив, когда он в очередной раз спросил не нужен ли привал, сын небрежно отмахнулся:

— Неа пап, чтобы нас ушатать надо что-то большее, чем неспешная прогулка.

— Подарок крестных, — туманно пояснила дочка, прибавляя шагу.

У Оршера на языке вертелась тысяча вопросов, но он решил подождать до возвращения домой. Когда они добрались до места, где он оставил пастись гшэрда, детишки снова поразили его, заявив, что на драконе летать круче, а через порталы шагать быстрее. Не успел

он спросить, когда это они летали на драконах, как они все, включая скакуна, оказались в стойбище.

— Еще один подарок, только дяди Арка, — предугадывая его вопрос, пояснил Влад.

— Сколько же всего у вас дядь? — в орке проснулась ревность.

— Много, одних только Творцов Миров больше десятка, а всяких там богов и богинь черт на печку не перекидает. — Но ты пап не волнуйся, они просто мамины друзья, — поспешила утешить его дочь, заметив помрачневшее лицо отца.

Оршер фальшиво улыбнулся, старательно отгоняя от себя мысли о любовниках Женщины, которую он давно привык считать своей.

А потом была встреча с его соплеменниками во главе со старым шаманом, вышедшим им навстречу. Как он растерялся, когда его дочурка кокетливо поправив косички, стрельнула глазками в сторону самого молодого воина:

— Вау какой красавчик, папа, можно когда вырасту я выйду за него замуж?

Раздался дружных хохот, сквозь который до чуткого уха орка донесся шёпот сына:

— Расслабься пап, и не строй зверскую рожу парнишке, а то он штаны обмочит, а это делать даже в моем возрасте уже стыдно. Варька выйдет замуж за дядю Тему, я видел нити их судьбы в Ткани Мироздания. А потом опасно добавил:

— Ты только Сосискину не говори, а то он мне гычу отгрызёт, если узнает, что я артефакту без спроса ходил, а у мамы обманом разрешение взял.

У Оршера пошла кругом голова, крикнув:

— Принесите в мой шатер еду, горячую воду и лохань, потом все объясню, — он поспешил укрыться в своём жилище от любопытных взглядов.

Накормив детей, дождавшись покуда девушки орчанки принесут банные принадлежности, с опаской приступил к мытью отпрысков. На удивление близняшки легко позволили усадить себя в огромный чан, и особо не капризничали, покуда он отскребал от них грязь. Только Варя, когда он попытался распутать волосы на ее голове, сердито пропыхтела:

— Не дери ты так их, это дреды. И не смей думать меня подстричь, знаешь, сколько я маму уговаривала разрешить мне их сделать?

— Сколько? — усмехнулся отец, понявший что у его дочурки на голове не колтуны, а необычная прическа.

— Неделю ныла, и месяц пообещала себя хорошо вести.

— Ну, судя по всему тебе удалось продержаться, — хохотнул Оршер, представляя как его малышка уламывает мать разрешить носить на голове такое безобразие.

— Неа, она через два дня сорвалась, залезла в библиотеку к дяде Пельфагору и нашла там одну очень интересную книжку, — сдал сестренку брат.

За что тут же поплатился. С криком:

— Ах ты предатель, — Варя схватила его за голову и от души макнула в воду.

— Дети не балуйтесь! — только и успел крикнуть орк, когда на него вылилась мыльная вода из опрокинутого чана.

— Упс, — виновато развели руками близнецы.

Он хотел было позвать женщин, но сорванцы не разрешили:

— Попроси принести, чем воду можно собрать, — деловито распорядился сын.

Оршер запротестовал, мол они не справятся, с дороги устали, но тут дочка совершенно по-взрослому сказала: «Папа, мама учит нас всегда отвечать за свои поступки, мы виноваты

и должны исправить, что сделали. Никто не обязан за нами убирать» и он с гордостью подумал, что его Женщина, правильно воспитывает детей. Правда через пять минут, он едва сдерживал смех глядя как безобразники пытаются отжать промокшие шкуры, устилающие пол.

— Что же ты не отказалась от помощи Головастика, когда мы его пещеру драили? — пыхтел сынишка, выжимая тряпку.

— Сравнил кислое с горячим, вдруг отец разозлится на нас и отправит назад, тебе хочется опять сидеть в замке у Темы под присмотром кучи нянек? — вспыхнула девочка. — Ой, ларда Варрья, у вас платице испачкалось, пойдёмте я вас переодену, — явно передразнивая кого-то, скривилась девчушка и с утроенной силой принялась собирать воду.

Наконец уборка была закончена, и уставшие дети, позволили уложить себя спать. Вернее они улеглись на лежаки из сухого меха, которых отец достал из стоящих сундуков и потребовали рассказать им сказку. Вот тут орку стало не по себе. Он не знал ни одной волшебной истории, а на ум приходили почему то только случаи из его жизни. И как назло все они были связана с охотой, войнами и походами. Оршер хотел было идти за шаманом, но сын решил его выручить.

— Ладно отец, мы понимаем, что ты ни одной сказки не знаешь, да и дядю Пуфика тебе не переплюнуть с его страшилками, так что давай просто поговорим.

Орк тут же вспомнил, кто его детям рассказывает сказки, и ему стало плохо. Резко захотелось поговорить с Женщиной, разрешающей им общаться с демоном. Заметив его настроение, дочка тут же поспешила заступиться за родительницу и очередного «дядю»:

— Пап, ничего ужасного нам дядя Пельфагор не рассказывает, так байки из прошлого, про время когда он был Богом Войны и про его мир и жителей. Если бы он нам рассказал что-то плохое, мама бы ему рога отшибла!

Что-то подсказало отцу, что она вполне может это сделать. А дальше он ответил на тысячу и один вопрос, своих неугомонных детишек. Он ответил бы и на больше, если бы они не заснули, напоследок попросив его завтра устроить им верховую прогулку в степь

* * *

Удостоверившись, что близнецы крепко спят, орк вышел из шатра, и направился к горящему невдалеке костру. Ему хотелось поделиться с друзьями своей радостью, рассказать про обретенных детей, но к его удивлению стойбище как вымерло.

— Я усыпил всех, не хотел, чтобы нам помешали, — раздался голос Тёмного лорда, когда Оршер подошел к огню.

— Вот держи я как обещал, принёс их вещи. Надеюсь, они не доставили тебе особых хлопот? — по-мальчишечьи подмигнув глазом, тот протянул два огромных мешка.

— Да не особо, — ухмыльнулся мужчина, до сих пор не привыкший к мысли, что у него теперь есть два очаровательных бесенка.

Заметив его блуждающую улыбку, Властелин понятливо качнул головой:

— Я вижу ты в восторге от них. А потом добавил — Впрочем, как и все, кто их знает.

Ревность и обида снова царапнули Оршера по сердцу. И он поспешил спросить почему Она столько времени скрывала их от него.

Правитель Темной империи моментом посерьезнел:

— Давай сядем выпьем-поговорим, разговор у нас долгим будет.

Слегка пригубив из бокала с терпким вином, тот, кого его дети звали дядя Тема, задал вопрос:

— Скажи мне воин, сколько времени тебе понадобилось понять, что Даша не виновата в бедах твоей семьи?

— Три года, — последовал ответ произнесённый глухим голосом.

— Вот поэтому она ушла от тебя тем утром. Она до сих пор боится, что ты ее оттолкнёшь и возненавидишь ещё больше, — подкинув дров в костёр, сверкнул глазами, Темный Лорд.

Оршер не нашёлся что сказать. Когда он проснулся один, первым желанием было найти и убить ведьму, обманом соблазнившую его и заставившую отказаться от мести. Пожар его ненависти разгорелся с утроенной силой, казалось, что в грудь разорвётся от бушевавшего в ней гнева. И не было в мире силы, способной затушить это пламя.

Но постепенно, он начал понимать своего отца и его тягу к Женщине. Все чаще и чаще он стал ловить себя на мысли, что постоянно думает о ней, вспоминая слова, брошенные ему в лицо «Да я согласна понести наказание за свои ошибки, но не буду отвечать за чужие». И он стал задумываться, а так ли она виновна? Разве она заставляла отца бросить мать? Разве отец препятствовал матери встретиться с ним?

И он поехал в род матери и там от деда узнал, что давшая ему жизнь женщина давно покинула мир живых. Он не почувствовал ничего, кроме досады. Досады на то, что он так теперь никогда и не узнает, что заставило его мать забыть о нем.

Когда он собрался покидать своих родичей, к нему подошла старая орка, и отведя подальше от любопытных ушей, шепнула, что старый вождь обманул его, желая скрыть позор. Его дочь вернулась, сказав, что родила мертвую дочь и ушла от мужа. А ночью она пропала. Глядя на Оршера выцветшими глазами, старуха проскрипела:

Той же ночью исчез молодой воин. Они любили друг друга, твоя мать и мой внук. Но Старейшины решили выдать ее замуж за твоего отца. Она не посмела противиться, слишком многих мужчин мы потеряли в последней схватке с воинами рода твоего отца. Твоя мать стала заложницей мира.

И он отправился на поиски матери. Почти год он скитался по миру, ища семью орков-изгнанников. И нашел. На границе с Темной империей, в затерянной среди гор деревне. Он много раз пытался представить свою мать, их встречу. Ему почему то казалось, что его мать молодая женщина, с гордой осанкой и такими же как у него пронзительными глазами.

Но реальность оказалось другой. На лай привязанных во дворе собак, вышла почти что старуха, со сгорбленной от тяжелой работы спиной. Следом за ней вышел пожилой орк, походкой и жестами, выдавший в себе опытного бойца. Оршеру понравилось, как тот обнял его мать за плечи, готовый в любой момент задвинуть ее себе за спину.

Он долго смотрел на эту пару, не решаясь сказать кто он и зачем пришел. С первого взгляда ему стало понятно, что эти двое пронесли свою любовь сквозь года, и кто он такой, чтобы ворошить в их душах пепел прошлого? Но правду говорят, материнское сердце не обманешь... Женщина узнала его.

Сынок это ты? — только и смогла сказать женщина, с надеждой и тревогой всматриваясь в лицо, много лет назад отнятого у нее сына.

Я, — назвать ее матерью Оршер не смог.

И она подлетела к нему, и обняв, зарыдала. А он как заледенел. И только когда увидел

просящий взгляд мужчины матери, догадался обнять ее подрагивающие плечи.

А вечером, когда семья его матери собралась за столом он узнал их историю. Уйдя из рода молодые поселились в этой деревне, подальше от мест, где можно было встретить братьев по крови. Сначала они хотела устроиться на новом месте, а потом выкрасть его у отца. Но сначала родилась дочь, потом через год сын. Потом еще сын... И сейчас у Оршера четыре младших брата и две сестры.

— Прости сынок, — виновато пряча глаза, говорила она, — я не бросала тебя, и очень хотела забрать, но дети были маленькие, мы не могли их оставить, потом надо было расширять дом. Поверь, не было дня, чтобы я не вспоминала тебя, но...

Что «но» он так и не услышал. Глядя на уютный дом, срубленный из крепких бревен, и на его лучащихся умиротворением обитателей орк вдруг остро понял, чего он был лишен в детстве и юности. И что мать очень быстро забыла о старшем ребенке. Верней не забыла, а вытеснила воспоминания о нем, заботами о его братьях и сестрах. Им досталась вся ее нежность. Именно им она пела колыбельные, и утешала у себя на груди, ласково ероша волосы... Она отдала им всю себя, а для него, а на него у нее не хватило даже маленькой капельки любви.

Он молча вышел во двор, вскочил на гшэрда, и уехал. Мать что-то кричала ему в след, но он так ни разу не обернулся.

А родившая его женщина стояла и тихо плакала, глядя в удаляющуюся спину первенца. Она проклинала себя за слабость, что так и не смогла признаться сыну в том, что не хотела видеть его, боясь что он напомним ей об его отце.

Оршер очнулся от воспоминаний. Ему казалось что со времени как он окунулся в омут прошлого, прошла целая вечность. Но ночные светила и звезды все так же сияли, а заря не спешила окрашивать небосвод в краски утренний зари. Заметив его изумление, колдун, усмехнулся:

— Эта ночь для разговоров между мужчинами, воин. И пусть я не могу поворачивать реку времени вспять, но мне вполне под силу немного отсрочить восход солнца.

Они немного помолчали, думая каждый о своём. Подкинув дров, Оршер решился нарушить молчание:

— Если у нас с тобой сегодня ночь откровений, то скажи мне что вас с ней связывает?

— Ревнуешь? — понимающе усмехнулся Темный лорд.

Дождавшись кивка, он ответил:

— А ты можешь сказать, что связывает небо и землю? Ветер и облака? Небо и звезды? У тебя нет ответа? Тогда я тебе расскажу историю о мальчике, который никому не был нужен и о девушке, ставшей для него всем...

И Властелин Темной Империи рассказал о том как он сходил с ума от одиночества, покуда в его комнату не вошла покрытая синяками и ссадинами, качающаяся от усталости, с болтающимися за спиной крыльями, Избранная...

Темный говорил, а перед глазами воина вставали картины чужой жизни. Он видел нескладного подростка, которого та девушка таскает за ухо, поймав за курением. Он почувствовал его боль и отчаяние, когда она ушла. Орк как будто вместе с подросшим Лордом Тьмы ночами сидел за книгами, пытаясь найти дорогу в ее мир. А еще он вместе с ним умер на жертвенном камне, растворяясь в безразличном «ничто», а она была готова пожертвовать всем чтобы вырвать своего Темку из костистой руки Старухи. Повелитель темных говорил, а орк с замиранием сердца думал о том, что он ничего не знает о Женщине,

которую много лет считал виновной во всех своих бедах.

— Теперь ты понял, что нас связывает? — закончив рассказ, Темный впился немигающим взглядом в искажённое мукой лицо орка.

— Понял...

— А раз понял, то должен знать, что я убью тебя, если ты причинишь ей боль.

— Справедливо.

— Расскажи мне о том, как она жила эти годы, — подкинув веток в прогоревший костер, попросил воин.

На мгновение Властелин нахмурился, но потом его лицо просветлело, и он, усмехаясь ответил:

— Я расскажу тебе только то, за что она меня не убьёт, а только покалечит. Все остальное, прости, но если захочет, расскажет сама. И помни, Оршер, ни ты, ни кто-то другое не имеет право на ее прошлое!

Они проговорили до утра. А когда пришел рассвет, Темный лорд спросил:

— Теперь ты понимаешь ее?

— Понимаю.

— А сможешь ее понять и простить?

Орк надолго задумался. Обида жгла его сердце. Та, которую он так и не смог разлюбить, лишила его на долгих пять лет смотреть как растут дети. И если бы не ее друг, неизвестно сколько бы еще времени он не знал об их существовании. Но стоит ли его обида любви? Что дороже уязвленная гордость или Она? Готов ли он как его отец отказаться от своего счастья, а потом всю жизнь молить богов, чтобы она вернулась к нему? Стоит ли горечь обиды радости видеть ее каждый день? А за свое обездоленное детство, он давно простил ее. Да и не было в том ее вины. А прошлое... Темный Лорд прав, он не имеет право попрекать ее тем что было в ее жизни до него, он и сам не святой.

— Смогу, — произнеся это слово, Оршер сам поверил что сможет простить.

Темный хлопнул его по дружески по плечу, и на прощание дал совет:

— Оршер, поговори с отцом, когда он узнает о ней и о ваших детях, ему будет нелегко. Не дай вашему счастью сделать его жизнь еще горше.

* * *

Вернувшись домой из очередной вылазки в поисках приключений на свою «Мадам Сижу», дома я никого не застала. А ведь прекрасно помнила что поручила заботу о детях неугомонной парочке коммерсантов Их я и направилась искать в первую очередь. Два веселых гуся пребывали в нирване. Эдик, как у него всегда бывает после удачно провёрнутой аферы, был пьян как фортепьян. Сосискин, дорвавшийся до халявы банально обожрался чего-то колбасного, и теперь маялся животом и притворялся умирающим. На законный вопрос: «Где мои дети» он долго страдальчески морщил нос, а потом соизволил ответить, что он вроде бы как отправил их к Темке.

— Они не посылки чтобы их отправлять туда сюда! — вскипел материнский инстинкт, а я, вспомнив об одном из полезных подарков Арка, перенеслась в то место, где сейчас должны находиться мои сорванцы.

Увиденное мне явно не понравилось. Я стояла посреди стойбища орков, знакомому мне

еще по первому визиту на Лабуду. Заметив меня всю такую распрекрасную в камуфляже берцах и бандане, да ещё и вооружённую до зубов, местные граждане заметно напряглись и начала меня окружать. Драться не хотелось, но где-то тут мои дети, и если им причинили хоть малейший вред, я вырежу тут всех до одного.

На счастье местных, вдруг раздался крик:

— Мама вернулась, — протискиваясь сквозь плотный строй воинов, ко мне на всех парах неслись близнецы.

А следом за ними шел... Оршер. Сердце предательски застучало. Дети повисли на мне что-то говоря, а я смотрела как ко мне идет их отец. Тот, встречи с кем я так отчаянно боялась. Мысли скакали как бешенные. Он уже знает... А вдруг он попытается мне их не отдать? Кто посмел ему рассказать о них? Вопросы... одни вопросы... а ответы, скрываются за его непроницаемыми глазами. Он остановился на против меня. А я... я не знаю что говорить... как вести себя... Варька спрашивает где я была. Влад требует рассказать с кем мы сражались, а я молчу как дура.

Время как будто вернулось назад. Я снова стою на том злополучном балу, где мы встретились. Те же ощущения. Та же всесокрушающая волна эмоций. Он приводит ладонью по своему лицу, а я вспоминаю, как его рука ласкала мое тело там, в лесу, в нашу единственную ночь. Он что-то говорит дочке, а я смотрю на его губы и вспоминаю их вкус, и те ощущения, что они дарили мне. Жадно вглядываюсь в его лицо. Он почти не изменился, вот только взгляд у него другой. Настороженный. Он будто ждет от меня удара. Откуда то приходит мысль: «А если он потребует отдать ему детей». Во мне поднимается лавина панического страха, а по спине течет липкий пот. Я бессознательно прижимаю к себе близнецов, молясь, чтобы мне не пришлось с ним биться за них.

Но кто меня сдал, и привёл сюда детей? Сами они попасть к отцу никак не могли, они не знали в каком мире его искать. Так надо успокоиться, иначе у меня начнется истерика, которая потом может перетечь в побоище. Главное взять себя в руки и не устроить сцену на людях. Мне бы только понять, что он задумал и как мне себя с ним вести.

— Мам, ну чего-ты как немая? Поздоровайся с папой, — в чувство меня приводит требовательный голос дочки.

— Да ма, ты что не рада его видеть? — нетерпеливо топнув ногой, поддерживает ее брат.

Конечно рада, солнышко, — чмокаю сынишку в щеку. И не обращая внимание на его «Фу, мама, я уже взрослый», тихонько спрашиваю:

— Влад, кто вас сюда привел? И мысленно добавляю про себя:

— Должна же я в случае чего, на погребальном веночке имя написать.

— Дядя Тема, он сказал, что настало время познакомиться с папой, — так же шёпотом отвечает сынишка.

Ах, дядя Тема... Резко хочется сделать из кого-то курицу гриль, но я кое-как справляюсь с волнением, и хрипло каркаю в сторону орка:

— Привет, дорогой.

* * *

С утра у Оршера было беспокойно на душе. Как будто что-то должно случится, и это

«что-то» повлияет на всю его жизнь. Заноза-беспокойство так глубоко засела у него в душе, что даже дети не могли унять тревогу. Когда посреди стойбища раздался шум, он с облегчением выдохнул. Он видел как засуетились его воины, и, хватая оружие, спешат к центру поселения. Мимо него промчался совсем мальчишка, и крикнул на бегу:

— Поспеши Вождь! Там чужачка, она странная и вооружена.

Услышав это, дети радостно взвизгнули:

— Мама! Она пришла! — и не обращая внимание на царящую вокруг суету, со счастливым смехом кинулись прочь.

А у него как-будто отнялись ноги. А сердце, до сих пор не ведавшее страха, забилось испуганной птицей. Она вернулась... Как она встретит его? Что скажет? А вдруг она пришла за детьми, и тут же уйдет, а он так и не увидит ее? От этой мысли, Оршер пришёл в себя, и поспешил догнать убежавших далеко вперёд малышей.

Она стояла в кольце его братьев по роду, и прижимала к себе детей. На первый взгляд она все-такая же, как он запомнил ее. Но вот если приглядеться повнимательней, то становится видно, она стала другой. Материнство сделало ее более женственной, черты лица стали мягче. Но вот только на домашнюю кошку она совсем не похожа. Скорее львица, которая будет драться за своих детей до последнего. И об этом говорит рукоятка меча, висящего у нее за спиной. И нарочито расслабленная поза. И стальной взгляд, словно предупреждающий «Тронешь моих детей — и умрешь». Да, его Женщина стала воином. Все так и есть как говорил ее друг.

Только бы у его бойцов не сдали нервы и кто-нибудь не попытался тронуть ее. Она будет убивать, опасаясь что ее детям причинят вред. Духи предков, а ведь она не знает, кто привёл их к нему и может подумать что угодно. Ульфур задери этого Темного, решившего за ее спиной познакомить его с близнецами.

Орк молча смотрел на свою семью, и отчаянно пытался найти слова, которые он ей должен сказать. Сколько раз он представлял их встречу, а когда она настала, оказалось, что он не готов. Главное сейчас успокоить ее, и увести к себе в шатер. А потом они поговорят.

Наконец она расслабилась, услышав, ответ сына, как они с сестрой попали сюда.

На него смотрят глаза, снимающиеся ему каждую ночь, и режущий натянутые нервы, голос с хрипотцой говорит:

— Привет, дорогой.

Он видит, что слова даются ей с трудом, но от его ответа сейчас зависят жизни его воинов.

* * *

После моих слов, он подходит ко мне вплотную, со словами:

— Здравствуй, милая, — обнимает меня.

А потом тихонько шепчет на ухо:

— Спасибо тебе за них.

Какой-то чертик сидящий во мне, дергает меня за язык:

— Да не за что, обращайся если что, до пятницы я совершенно свободна.

Он нарочито смеется, и, подхватив детей на руки, приглашает пройти в его шатер.

До вечерамы играли в образцово-показательную семью, ни одним жестом не выдав

себя. Не надо детям пока еще знать, что родители видят друг друга третий раз в жизни. Я рассказывала смешные истории о проделках этих шкод, они притворно смущались, а орк впитывал себя как губка каждое слово. Только когда дети заснули, мы смогли спокойно поговорить.

— У тебя есть где тут помыться? А то я не успела, зная, как кое-кто любит греть свои ушки, намекаю, что нам не плохо бы прогуляться.

— Пойдем, я провожу тебя до ручья, — к счастью отец моих детей дураком не был.

— Прихвати мне во что переодеться, и убери мое оружие, не дай бог кто любопытный захочет его посмотреть, — говорю и начинаю снимать с себя весь металллом, щедро нашпигованный магией, что так любит на меня навешивать Кабан с Гламуром.

По мере того как возле моих ног начинает высится горка убийственного барахла, у орка начинают округляться глаза. Но он быстро приходит в себя, и рассовывает весь мой арсенал по сундукам. Не дожидаясь пока он все уберёт, я выхожу в сумерки.

— Дети не возьмут эти вещи? — он вышел за мной следом, и в его голосе слышится нешуточная обеспокоенность.

— Нет, они знаю что это брать нельзя, — мне приятно что он так беспокоится за них.

Всю дорогу до источника мы перебрасывались ничем не значащими фразами, ушедшая во время разговора с близняшками неловкость, снова вернулась. Пока я ополаскивалась в ледяной воде, он развёл костёр. Вытираясь, я украдкой любовалась своим Мужниной. За то время, что мы не виделись, он ещё более возмужал. В волосах сверкают серебристые нитки, и мне очень хочется верить, что они появились не из-за меня.

Молчание давит мне на плечи, хочу заорать:

— Да скажи же ты хоть что-нибудь! — но упрямо молчу. Да я виновата, но он мужчина, пусть делает первый шаг.

Повернувшись к нему спиной, натягиваю на чуть влажное тело его рубашку. Знакомый запах обволакивает меня как тёплое облако, и я остро чувствую, как мне его не хватало все эти годы. К черту эту гордость! Если мы сейчас нормально не поговорим, то завтра я уйду, и кто знает, когда ещё загляну на Лабуду. Поворачиваюсь и оказываюсь прижатой к его груди. Утыкаюсь носом в шею, и слышу тяжёлый вздох:

Духи предков, какая же ты у меня упрямая!

А я счастливо вздыхаю, чувствуя, как по щёкам текут слезы. И мне слышится, как где-то высоко в небе кто-то невидимый произнёс:

— Слава мне, а то уже думал, этого уже никогда не случится!

* * *

Когда к нам вернулась способность более-менее внятно излагать свои мысли, Оршер задал мне вопрос, которого я больше всего боялась:

— Дариа, а как мы теперь будем жить?

Смотрю в его серьёзные глаза, ещё несколько минут полыхавшие страстью, и кидаюсь как в омут:

— Орк, у тебя обязательства перед своими людьми, у меня перед своими. Мы оба сдохнем от скуки, если будем жить в мире одного из нас. Еще хочу чтобы ты знал — я неприлично богатая и жутко известная среди богов и демиургов женщина. И я не хочу, чтобы

кто-то даже посмел подумать, что ты живёшь со мной из-за всего этого. Поэтому предлагаю, две недели я живу в своем мире, ну или куда меня нелегкая занесет, а ты в своем. А две недели мы живём с тобой в мире, где нас никто не знает. И я клянусь, ни один небожитель, ни один мой знакомый не посмеет нас побеспокоить, если мы оба этого не захотим.

Он надолго замолчал, а я дрожа как осиновый листочек ждала его приговора. Наконец он сказал свое слово. Только вместо ответа я получила вопрос:

— А если я захочу увидеть тебя раньше срока?

— У тебя будет артефакт перемещения, ты в любой момент сможешь прийти ко мне или к детям.

Только произнеся эти слова, я заметила, как он был напряжен все это время. Потеревшись носом об его колючую щеку, я тихонько засмеялась:

— Глупый, неужели ты думаешь, мне кто-то нужен кроме тебя, и в твое отсутствие я буду таскать любовников?

— Нет, я просто очень боюсь снова тебя потерять. Я согласен с твоим предложением. Мы будем жить как ты сказала. Но сына я буду воспитывать как настоящего орка.

— Спасибо! — облегчённо выдыхаю. А потом ехидно добавляю:

— Дурак ты милый, уж и не знаю какое общество слабоумных тебя в вожди выдвинуло! Кто ж по нашей суровой жизни то, приличными мужиками разбрасывается!!!

Подминая меня под себя, он притворно зарычал:

— Женщина, ты такая стерва...

— Но ты же любишь меня такой? — выпалила я в ответ, и замерла.

— Люблю, и именно такой: упрямой, настырной, не умеющей вовремя прикусить свой острый язычок. Мне не нужна другая.

— Я тоже люблю тебя орк, и постараюсь сделать так, что бы ты меня никогда не разлюбил.

— Дариа! Ты когда-нибудь запомнишь мое имя?!

— Когданибудь и запомню, а сейчас заткнись, и поцелуй меня, вместо того, чтобы разрушать мне нервную систему своими мелочными придирками!

А утром, мы вернулись, и сообщили детям, что отправляемся в свадебное путешествие, а их на время отправляем к деду. Надеюсь, он еще крепок, чтобы пережить двойное счастье!

* * *

Великая Сестра встречала рассвет. Ее лицо, испещрённое глубокими бороздами трещин, с чудом сохранившейся редкой травой, омывала роса. Ее маленькие дети спешили спрятаться в своих глубоких норах, дабы переждать жару. И только воин, сидящий у потухшего костра оставался неподвижен. Он охранял сон своих внуков. Внуки... он до сих пор не мог привыкнуть к мысли, что его семья стала больше.

Когда несколько дней назад к нему пришел сын и сказал, что ввел в род свою женщину и детей, он сурово отрезал:

Ты забыл наши законы, без одобрения Старейшин никто не может ввести в род новую сестру или брата. За то, что ты путался с кем-то, и наградил ее ребенком, ответишь перед Советом. Но я говорю тебе сразу, эти выблядки и их мать никогда не войдут в наш род!

Сын вспыхнул, и сжимая кулаки прорычал:

— Никогда, слышишь, никогда отец, не смей так о них говорить!

Они родились вне освещенного по нашим обычаям брака! И теперь требуешь от меня признать их вместе с матерью? — бывший вождь был в гневе.

А если я тебе скажу, что их мать, Женщина, которую ты до сих пор любишь? — слова как плеть ударили орка.

Побледнев, он отшатнулся от сына. Казалось воздух между ними вибрирует от повисшего напряжения. Они стояли и смотрели друга на друга — отец и сын, волей Судьбы полюбившую одну женщину. Только один смотрел с вызовом, а второй с плохо скрываемой болью. И никто не хотел нарушать молчание. Неосторожное слово может еще больше увеличить разверзшуюся между ними пропасть.

Первым решился заговорить отец.

Ты так решил отомстить мне за, что что я мало уделял тебе внимания и лишил матери? Отнять у меня ту, что я люблю больше жизни? — его голос переполняла горечь и обида.

Отец, все что происходит в нашей жизни, это тоненькие паутинки судьбы, скручивающиеся в одну нить, которую прядет Судьба. Разве ты мог предположить, увидев ее в том переулке, что она когда-то станет моей Женщиной? Разве она могла знать, что тот орк, кто выкрал ее из замка Темного лорда, твой сын? Разве я мог подумать, что моя любимая женщина, окажется той, которую я ненавидел с рождения? Мы только думаем, что выбираем судьбу, а на самом деле, все что с нами должно случиться, давно предрешено.

Ты прав, сын, — помертвевшими губами прошептал орк, — ты во всем прав.

И они проговорили весь день и всю ночь. Отец и сын заново узнавали друг друга, пытаясь понять как им теперь жить дальше. Нет, за несколько часов нельзя исправить все ошибки, совершенные на дороге жизни, но первый шаг они сделали. Пусть не сейчас, а позже, отец смириться с выбором его Женщины, а в том, что он никогда не встанет у них на пути, Оршер был уверен.

А потом к нему в шатер пришла Она. Годы оказались не властны над ней. Все та же растрепанная челка, светящиеся жизнью глаза, и нелепая одежда. Приглядевшись повнимательней, Иршер заметил, что перемены все же произошли. Сейчас она цвела красотой зрелой женщины, познавшей радость материнства. На него нахлынуло прошлое...

Маленький городишко, в котором он остановился на ночлег по дороге к дому, темная улочка, и по ней к нему идет девушка... Она с улыбкой смотрит на него, и от этого взгляда кругом идет голова... Комната на постоялом дворе... танец двух тел... и крылья на ее спине...

Здравствуй орк, — ее хриловатый голос вернул его в настоящее, — вот мы и встретились.

Здравствуй, Избранная, — его голос слегка дрожит, а она кажется не замечает этого, со спокойным интересом изучая его.

А их глаза ведут немой диалог:

Как ты?

Я тосковал по тебе...

Я тоже долго не могла забыть тебя...

Почему ты дала мне возможность, все объяснить?

Слишком велика была обида, ты решил все за меня...

Прости...

Давно простила...

Ты любишь моего сына?

Люблю...

Как же мне теперь жить?

Счастливо, орк, попытайся прожить счастливо оставшиеся годы. У тебя теперь есть внуки.

Я попробую Избранная...

Они так и не сказали друг другу больше ни слова, потому что в шатер ворвались два вихря, и с криками:

Привет, дедушка, — принялись сеять хаос в его жилище...

И теперь сидя в самом сердце Великой Сестры, он вдруг понял, что боль, давно засевшая в его сердце утихла. Призрачная надежда сменилась твердой уверенностью, что теперь все изменится. И пусть в его жизни не будет сокрушающей любви, он будет довольствоваться малостью — знать, что Женщина, которую он любит, нашла свое счастье. А он... он найдет его в ее продолжении — мальчике, как капля воды похожего на его сына в детстве, и девочке — с глазами цвета предгрозового неба.

* * *

Я дождусь тебя, ниалия, рано или поздно мы будем вместе. У меня впереди Вечность, что бы доказать, что достоин тебя. А у него — всего лишь короткая жизнь. А пока, будь счастлива Дарья...

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net

---

notes

Автор стихотворения А. Джейн

Автор Ашвина

Автор Ашвина